

Сергей Темняткин

Я покóну кацкого!

Этнографические заметки

Книжка I

Этнографический музей кацкарей
Марыново
2020 год

УДК 39
ББК 63.5
Т32
ISBN 978-5-9527-0406-0

Текст, подбор иллюстраций: С.Н. Темняткин.
Дизайн обложки, оригинал-макет, компьютерная вёрстка: Н.В. Плечева

Т32 Темняткин, С.Н. Я покóну кацкого. Книжка 1 [Текст] / С.Н. Темняткин : этнографические заметки. - 2020. - 132 с.

Чёрно-белые снимки из собрания Этнографического музея кацкарей.
Цветные снимки, если их авторство не указано в пояснениях
к ним, С.Н. Темняткина.

Все использованные источники указаны в тексте.
Книга издана в авторской редакции.

Книга открывает серию этнографических заметок о кацкарях – жителях бассейна реки Кадки, протекающей на западе Ярославской области, богато иллюстрирована фотографиями из собрания Этнографического музея кацкарей.

УДК 39
ББК 63.5
ISBN 978-5-9527-0406-0

© С.Н. Темняткин, 2020
© Этнографический музей, 2020

Год за годом, и Этнографическому музею кацкарей уже 25 лет. А краеведческому журналу «Кацкая летопись» и того больше – 27. Понятно, что краеведческого материала за это время накопилось немало, и, вот, пришла пора делиться им.

Но прежде – кто же такие кацкари? Это жители бассейна реки Кацки, протекающей на западе Ярославской области по Некоузскому, Мышкинскому и Угличскому районам. Единого научного определения для них пока ещё не сложилось. Этнографы, случается, называют кацкарей субэтносом русского народа, а потом долго спорят: так это или нет? Для генетиков кацкари – это одна из русских популяций, и тут, кажется, возражений нет. Сами же кацкари в большинстве своём слов «популяция» и тем более «субэтнос», слава Богу, не знают, и говорят просто: «Да мы покóну такого!»

Ну и мы заморачиваться не будем. Начнём разговор, а решать читателю! Первая книжка небольших заметок с иллюстрациями написана по мотивам работы известного филолога Н.Д. Русинова «Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья (по данным местной земледельческой лексики)».

Все заметки прежде публиковались в социальной группе «Кацкая летопись» во «ВКонтакте» (https://vk.com/katskari_kl) – это было сделано намеренно, чтобы земляки-кацкари прочитали, исправили, дополнили. Их комментарии в конце этой книжки. Кому-то, быть может, они покажутся несущественными, но нам важно сохранить любые, пусть и небольшие по объёму свидетельства.

С ува́гою, Серге́й Темняткин.

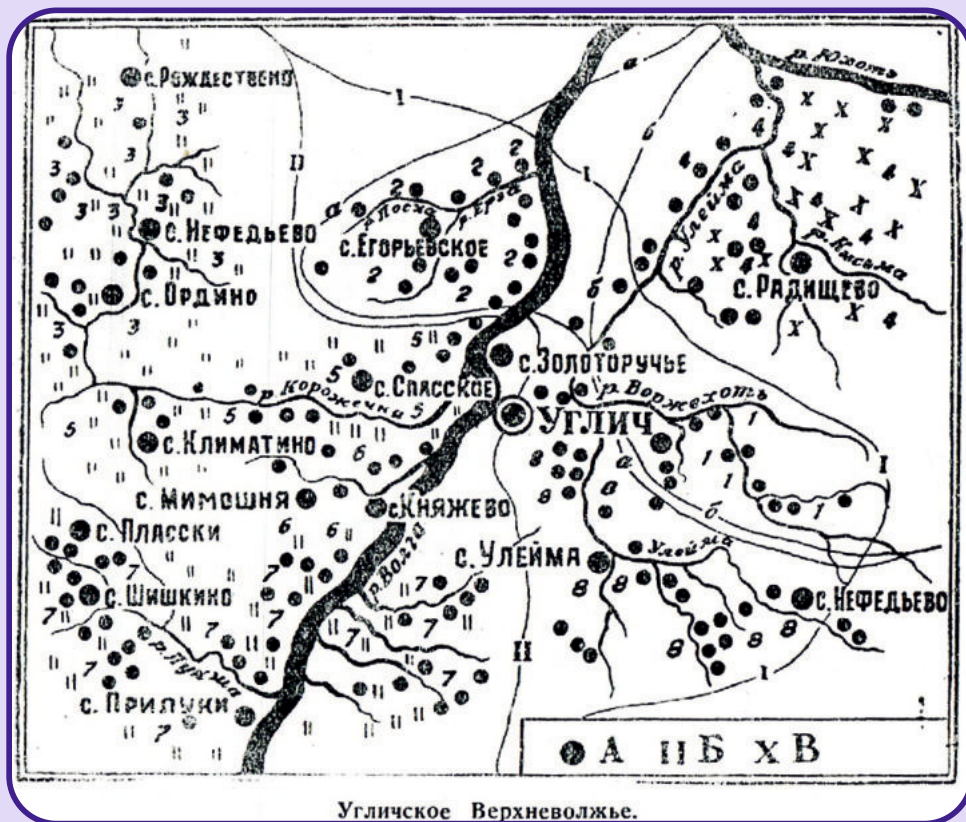
КАДКА В ОЧЕРКЕ РУСИНОВА

Первым, кто обратил внимание на этнографическое своеобразие кацкарей, был Н.Д. Русинов: «...Снопы зерновых в поле складывают преимущественно в крестцы, сено возят на обычных телегах с низкими стенками и увязывают его на телегах верёвками, не обгораживают гумна, моются в печах, пользуются водой главным образом из родников, рек и прудов». Так, по наблюдениям учёного, поступают жители бассейнов рек Кадки, Корожечны и Пукши.

А вот в других местах Угличского края «снопы зерновых складывают только в бабки, сено возят на одрах с высокими решетчатыми стенками спереди и сзади и при этом не только увязывают его верёвками, но сверху ещё прижимают толстым колом – слегой, моются только в банях, пользуются водой преимущественно из колодцев, гумна обязательно обгораживают».

Это были выдержки из очерка учёного «Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья (по данным местной земледельческой лексики)», напечатанного в сборнике Ярославского музея-заповедника «Краеведческие записки» в 1956 году. «Полного единства земледельческого словаря в Угличском крае нет», – сделал вывод Николай Дмитриевич. Всего он выделил восемь групп угличских говоров, и все они территориально соответствуют бассейнам местных рек. Кадка – одна из рек, которая удостоилась чести иметь собственный говор. Он сходен с речью жителей бассейнов рек Корожечны и Пукши, но далёк от речи жителей берегов реки Кисьмы. Говоры других угличских рек учёный назвал «промежуточными».

И несколько слов о самом Николае Дмитриевиче Русинове. Он доктор филологических наук. В 1947-1956 годах работал в Угличском архиве, а затем преподавал в Бухарском пединституте и возглавлял кафедру истории русского языка и сравнительного славянского языкознания в Горьковском (Нижегородском) университете. Автор учебника древнерусского языка, который неоднократно переиздавался.

Карта-схема из работы Н.Д. Рушинова
 «Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья
 (по данным местной земледельческой лексики)», 1956 год. Бассейн реки
 Кагки с собственным говором на ней обозначен цифрой «3».

ЕСЛИ МЫТЬСЯ – ТАК В ПЕЧИ!

Хотя первые бани в Кацком стане появились в XIX-м столетии, большинство кацкарей вплоть до 1960-х годов предпочитало мыться в русских печах. И правильно делали, замечают учёные: мытьё в печи самое гигиеничное, потому что её жар убивает практически все болезнетворные микроорганизмы.

А мылись так. Истопив «большую» (а это и есть русскую) печь и дождавшись, чтобы она повыстыла, выгребали из неё дочиста «жаратошной пёсок» (золу) и выстилали «под» (печной пол) ржаной соломою. Ставили внутрь «сунно» (посудину) с водой, а чтоб вода оставалась тёплой, кидали в неё раскалённую «булыжину». Рядом клали ошпаренный веник. Раздевались «в коморке» (на кухне), окачивались водой и, мокрые, залезали в печь. Напарившись, вылезали – потные и в саже, конечно же! Брали с собой ведро воды и бежали «на волю» (в холодные помещения или даже на улицу) окачиваться. Зимой, чтоб не подхватить простуду, натирались перед мытьём редькою.

Конечно, кацкари не единственные на Руси, кто мылись в печах. Из их ближайших соседей точно так же поступали и жители побережий рек Корожечны и Пукши – об этом в работе «Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья (по данным местной земледельческой лексики)» писал Н.Д. Русинов. А вот в остальных местах Угличского края испокон веков мылись в банях! Чем же объясняются столь разные предпочтения?

Тем, что тысячу лет назад «Угличе поле» было заселено разными славянскими племенами – объяснял Николай Дмитриевич: в банях мылись потомки новгородских словен, а в печах – кривичей.

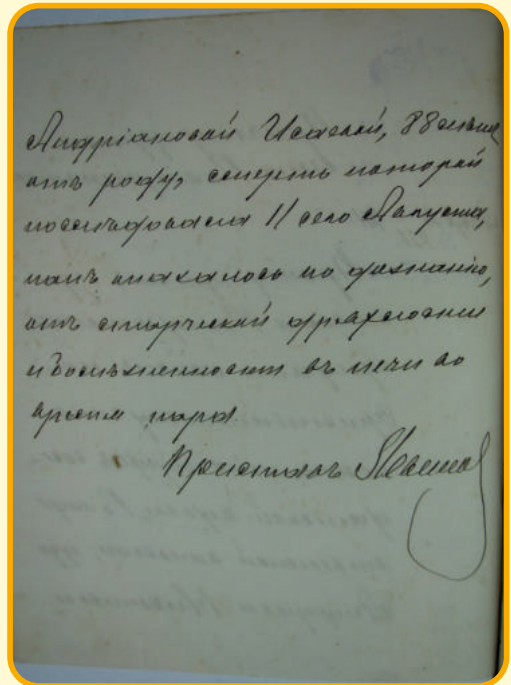
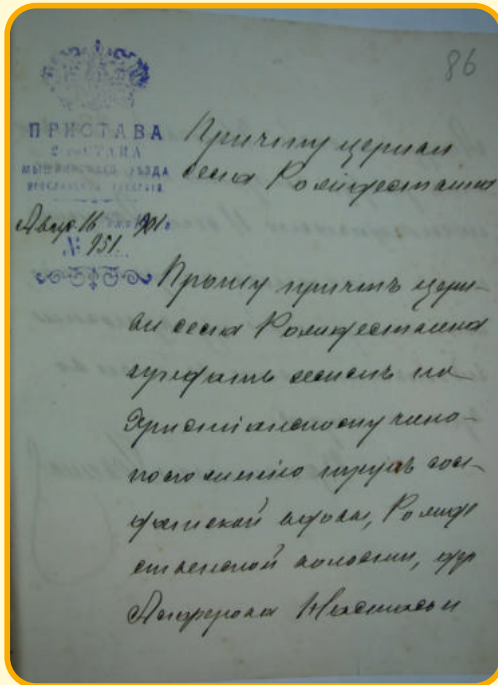
Крестьянские дети зимой в избе. Иллюстрация из книги Е.А. Покровского «Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно в России», Москва, 1884 год.

ПРАВЕДНИКИ В ПЕЧИ НЕ УМИРАЮТ...

Кацкари никогда не жалели тех, кто умер в «большой» (то есть в «русской») печи...

А что, во время мытья в русской печке, случалось и умирали! Всё-таки в ней жарко: сразу после протопки, как пишут специалисты, около трёхсот градусов по Цельсию. В такой жаре, конечно, никто не мылся, ждали, чтобы повыстыло, но всегда находились и «любители погорячее». А некоторые даже кричали: «Закройте, закройте усьё заслонкой! Не выпускайте жару!» Но здоровье у всех разное: у кого сердце слабое, у кого давление высоковатое... Раз – и гипертонический кризис: человека вытаскивали из печки мёртвым.

Так вот: умерших в печи кацкари не жалели. Считали, что так она наказывает за связь с нечистой силой. Это такой своеобразный «тест»: умер в печи – значит, колдун какой-нибудь или колдунья...

Предписание полицейского пристава: «Прошу причт церкви села Рождествена предать земле по христианскому чиноположению труп солдатской вдовы Рождественской волости деревни Алфёрова Настасьи Андриановой Исаевой 88-ти лет от роду, смерть которой последовала 11-го сего августа, как оказалось, от старческой дряхлости и болезненности в печи во время пара». Документ из собрания филиала Государственного архива Ярославской области в городе Угличе, 16 августа 1901 года.

ПРЕДАНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

«Давным-давно это было. Так давно, что никто уже ни числа, ни года не вспомнит. Горе лютое прокатилось по земле Русской – пришли на Русь монголо-татары: убивали, сжигали, грабили...

И вот они уже в Кадке. На высоком холме встала орда. А защищать землю Кацкую вышли три князя с малыми дружинами: Мифёдий, Хороброй и Юрей.

Жестокие были битвы, но короткие: монголо-татар много было, а русских мало, и бился каждый князь сам за себя. Одолели татары Мифёдия, разбили Хороброго, справились и с Юрием. На том месте, где их войско – орда – стояло, возникло село Ордино; где князь Мифёдий сражался – Нефёдьёво, Хороброй – Хороброво, а Юрей – Юрьевское.

...А март был уже на исходе. Вовсю припекало щедрое весеннее солнце, но некому было убирать трупы погибших. Так и лежали они без погребения, и уже разлагались, и стоял смрад великий, и воды напिताлись смертельным трупным ядом. Немногое уцелевшее население страдало от жажды.

Всех выручил какой-то сообразительный мужик. В русле реки он нашёл родничок – студёная водица била со дна, но тут же мешалась с ядовитой речной водою. Взял он тогда кадку – кадушку – выбил днище и посадил на родник. Дурную воду вычерпал, и наполнилась кадушка чистой ключевой водой. Все туда ходили, говоря:

– Пошли на кадку! – так и появилось у реки имя...

Это предание знает, пожалуй, каждый кацкарь. Правда ли в нём или вымысел – пусть спорят историки. Мы же посмотрим на него с этнографической стороны: а чего это наши предки, пракацкари, надумали идти «пó воду на реку»? У них что, не было колодцев!? В том-то и дело, что не было!

Колодцы у кацкарей появились настолько исторически поздно, что даже имя первого колодезника сохранилось – Тарас Мелешко. Рассказывают, его откуда-то из дальних краёв привёз барин и поселил

в Нижней Кадке, в деревне Мелехове. Кацкари над «заволóсным» (нездешним то есть) поселенцем и над диковинным ремеслом его поначалу посмеивались – вот и прозвище придумали: «Тарас – голова оторвалась!» Но поприглядевшись, стали-таки приглашать в свои деревни рыть колодцы.

А Тарас не один копал – с сыновьями, которых, по разговорам, у него было много. В каждой деревне он присматривал для своего сына невесту, и, в случае удачного сватовства, оставлял его примаком. Так род Тараса-колодезника расселился по всему Кацкому стану, а Мелёшкины (в Нижней Кадке говорят без «ё» – «Мелешкины») окончательно стали кацкарями.

И всё-таки колодцы прививались у кацкарей с трудом. Даже в 1950-х годах известный учёный Н.Д. Русинов писал, что по реке Кадке «...пользуются водой главным образом из родников, рек и прудов». А мы добавим: и сейчас, в 2000-х годах, эта традиция не вполне ещё угасла.

На освящении поклонного креста «Русским воинам,
павшим в битве с татаро-монголами в 1238 году»
на речке Татарке. Снимок 08.09.2007 года.

Реконструкция средневекового поединка на фестивале «По вехам истории» в Нижней Кадке. Снимок 05.09.2009 года.

ПРУДЫ ЧИСТЫЕ, ПРУДЫ РАЖИЕ...

Стоит деревня Дьяконовка, а посреди неё пруд Чистой. И в Филине, что неподалёку, пруд с названием Чистой есть. А ещё – в Тимофееве, Плишкине-Нефедьевском, Игнатове, Муранове, Павлове... В Алфёрове один из прудов носит кацкое диалектное название Ражкой, что значит «самый хороший, лучший». Ражие пруды имеются и в Холяве, и в Аристове...

Все эти пруды, и верно, в своё время были лучшими: всегда огороженные и с выкошенными берегами. И нельзя было в этих прудах ни белья постирать, ни скотину напоить, ни покупаться, ни даже руки помыть. Для чего ж в таком случае они служили?

Для питья! Склонность кацкарей добывать питьевую воду не из колодцев, а из прудов, родников и рек подтверждают и старинные документы. Ну вот «Алфавитный указатель монастырей, церквей и сёл Ярославской епархии» за 1908 год сообщает: «Близ села (Тимохова) до 15-ти обширных и глубоких прудов, из них некоторые доставляют жителям села воду для питья».

В 1896 году с обыкновением кацкарей пить воду из прудов боролся врач Рождественской больницы Александр Успенский. Но слушали его мало: несмотря на наличие в Рождествене в Кадке колодцев, многие жители села всё равно пили прудовую воду. Старожилы подтверждают: в пору их детства колодцы были почти у всех, но воду из них брали ... на хозяйственные нужды!

К началу 2000-х годов, когда за чистотой общественных прудов никто уже не следил, некоторые кацкари обихаживали небольшие пруды-ямки у себя в огородах. С них и брали воду на чай. Вот такими живучими бывают порой традиции...

Знаменитые Тимоховские пруды в наши дни.
Пользоваться их водой уже с полвека некому... Снимок 11.04.2019 года.

КОРОМЫСЛА БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Все настолько привыкли, что коромысло должно быть гнутое, что даже уважаемый словарь Ожегова и Шведовой даёт ему однобокое толкование: «Толстая изогнутая планка с крючками или выемками на концах для ношения вёдер на плече».

А между тем у кацкарей распространено и другое коромысло – абсолютно прямое! Изготавливается оно из нетолстого бревешка, концы которого заужаются и к ним крепятся металлические подвесы – цепи с крюками. А середка выдалбливается под определённые предплечья, и для определённой же шеи делается выемка – ну прямо как костюм: у каждого свой размер. Кацкари такие коромысла называют «долблёными», а этнографы – «вырезными с подвесами».

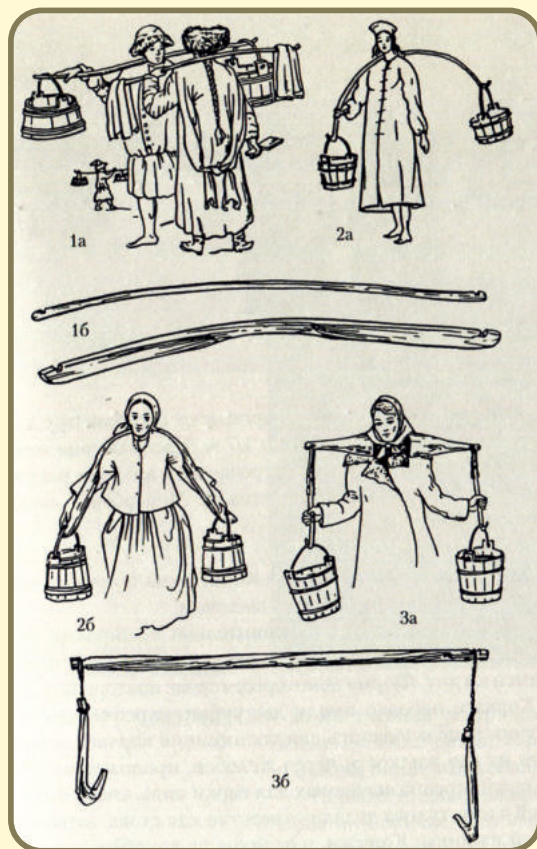
Кацкое коромысло – долблёное
(из собрания Этнографического музея кацкарей). Снимок 25.04.2019 года.

А носят долблёное коромысло вот так. Снимок Н.И. Чернышовой, газета «Волжские зори», 2018 год.

А это всем привычное гнутое коромысло. Снимок 15.07.2014 года, фестиваль «Семейный круг» в Этнографическом музее кацкарей.

Виды коромысел: 1а, 1б – палкообразные; 2а, 2б – овалыные гнутые; 3а – вырезное с подвесами; 3б – палкообразное с подвесами. Из книги И.И. Шангиной «Русский традиционный быт», Санкт-Петербург, 2003 год.

«КАДКА СВЯЩЕННА...»

«Мать говорила, что река Кадка священна для проживающих на её берегах», – написал однажды в воспоминаниях уроженец деревни Муханова Юрий Михайлович Богданов. И продолжил: «Дом наш находился в двухстах метрах от реки Кадки, и свою первую ванну принял я в её водах».

И верно: в седую старину среди кацкарей был распространён обычай купать новорожденных непременно в кацкой воде. После этого ребёнка целый год никому не показывали кроме самой близкой родни: считалось, что если дитё выживет, ничто его здоровью угрожать уже не будет.

Кацкая вода участвовала в церковных обрядах водоосвящения; пользовались ей и знахари, леча от сглаза и хворей. Она же провожала человека и в последний путь.

Когда древняя, столетняя почти, жительница деревни Плишкина-Нефедьевского Поля Колпакова собралась-таки помереть, попросила родных принести испить напоследок воды с Кадки. А Плишкино, надо сказать, стояло на Щокóвке. И решил парнёк Алёша, которому было поручено столь ответственное дело, зачерпнуть щокóвской воды. Бабушка Поля обман тут же раскусила:

– Я же просила с Кадки воды!..

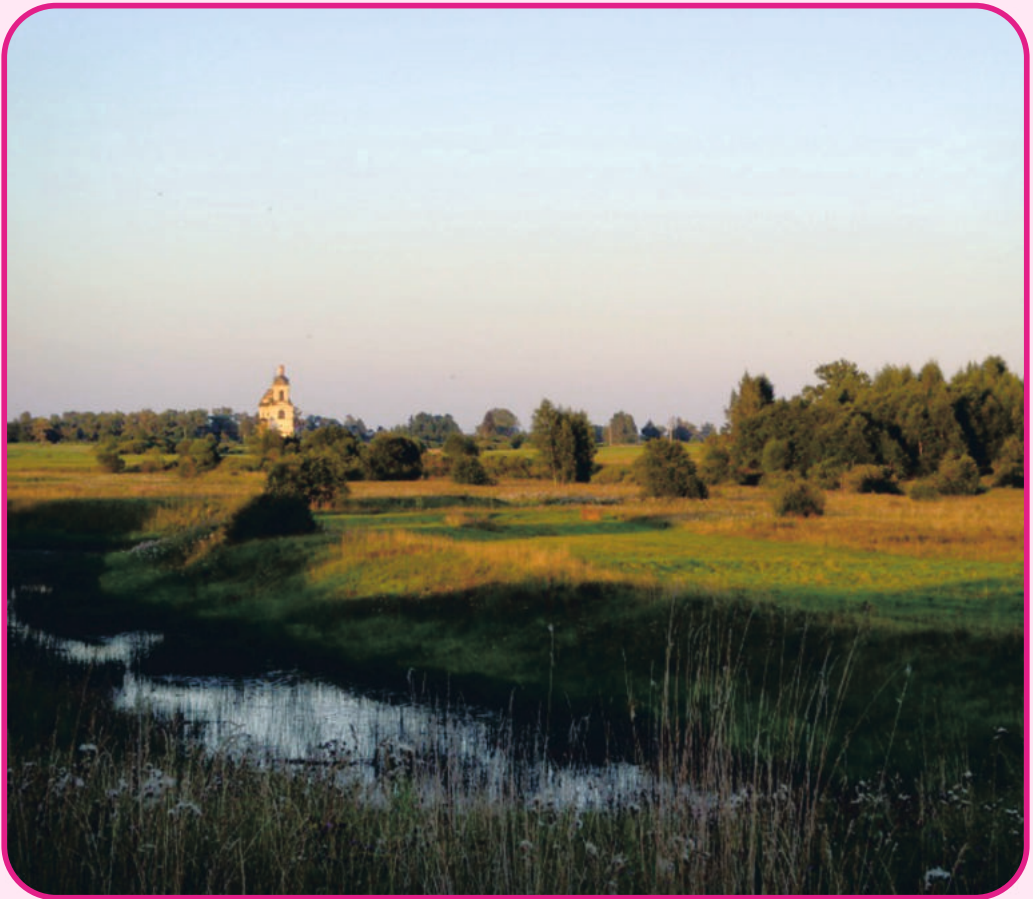
Туман над Кадкою. Снимок А.Ю. Быкова, 14.03.2017 года.

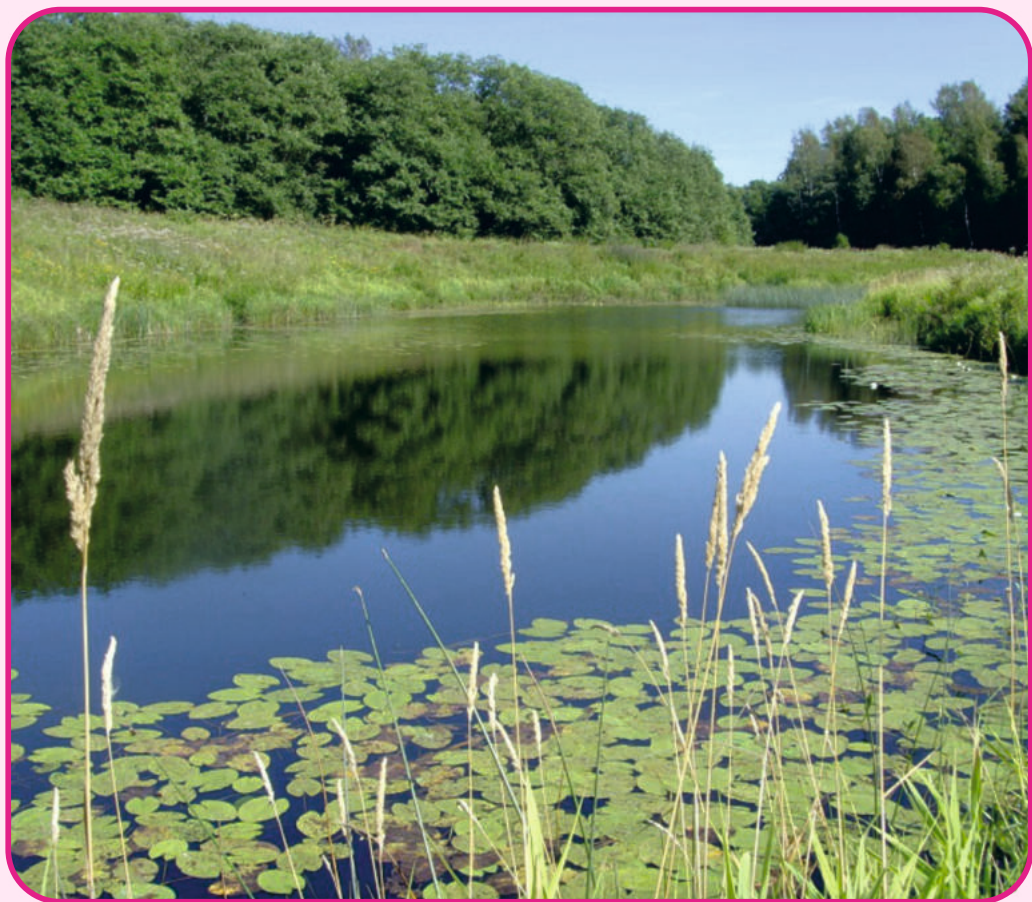
Кагга под горой Слабутиной. Снимок 15.05.2015 года.

Кадка в окрестностях Ордина. Снимок 21.05.2015 года.

Вечеряет... Снимок 10.08.2007 года.

Кривой омут у Широбокова. Снимок 02.08.2012 года.

Устье. Снимок Т.Н. Малофеевой, осень 2018 года.

КАЦКАРИ ПРЕДПОЧИТАЛИ «КРЁСТЦЫ»

Какие там ещё имеются у кацкарей этнографические особенности по Н.Д. Русинову? «Снопы зерновых в поле складывают преимущественно в крестцы», – писал он о реалиях середины XX-го века. Впрочем, так же поступали и жители поречин Корожечны и Пукши. А вот в бассейнах угличских рек Ерги, Кисьмы, Воржехоти, Улеймы и Мимошни бытовал совсем другой способ укладки зерновых – бабки. Что же это за крестцы да бабки и чем они отличаются друг от друга?

Крестец (в кацком произношении «крёстѣц») – это когда снопы кладут на землю крестом: колосья друг на друге, а «гузóвьѣ» (компли) в разные стороны. На юге России крестцы складывали из 50-ти снопов, на Украине – из 30-ти, а в российском Черноземье – из 13-ти. Кацкий «крёстѣц» – 22 снопа: двадцать снопов лежат крест-накрест пятью рядами и два нахлобучиваются сверху перевёрнутыми как крыша.

Для севера России более характерна бабка – это когда снопы не кладут, а ставят. Один в центр, штук восемь вокруг, а последний опять-таки исполняет роль крыши.

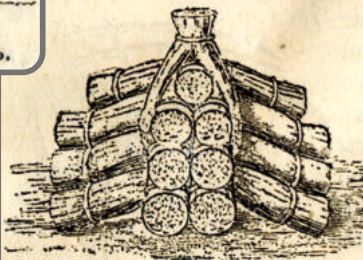
Остаётся добавить, что в «крёстцы» да в бабки укладывали только рожь – снопы с «яровíной» (так кацкари называют овёс и жито-ячмень) ставили в обычные суслоны.

На картине П.А. Бубнова «Уборка урожая» ржаные снопы укладывают в крестцы. Ну прямо как кацкари когда-то!

Крестецъ въ 13 сноповъ.

Крестецъ въ 30 сноповъ.

Крестецъ въ 50 сноповъ.

Крестцы из 13-ти, 30-ти и 50-ти снопов. Рисунки из книги «Сельскохозяйственные беседы. Полеводство», Санкт-Петербург, 1898 год.

На картине А.А. Прокофьева «К концу лета» ржаные снопы поставлены в бабки. Но для кацкарей такая укладка зерновых не характерна.

«ХЛЫСТА́ЛКА» ПО-КАЦКИЕ

То, что в старину зерновые (главным образом рожь) молотили цепами – знают все. Дело это из сегодняшнего дня кажется нехитрым («знай, цепом помахивай!»), но на самом деле требовало терпения, недюжинной физической силы и... музыкального слуха!

Судите сами: рожь стелили «на ладони» (на ровном месте) двумя рядами: колосьями друг к дружке, а «гузóвьём» наружу. Четверо молотильщиков становились парами друг против друга и, передвигаясь вдоль расстеленной ржи, били по колосьям цепами. Ударяли «по чёрёду» (по очереди) справа налево, ритмично, что со стороны напоминало барабанную дробь. Хоть пляши! Но вот ударишь не в свой «чёрёд» – «патоги́» (ударные части цепов) перепутаются, и работа собьётся.

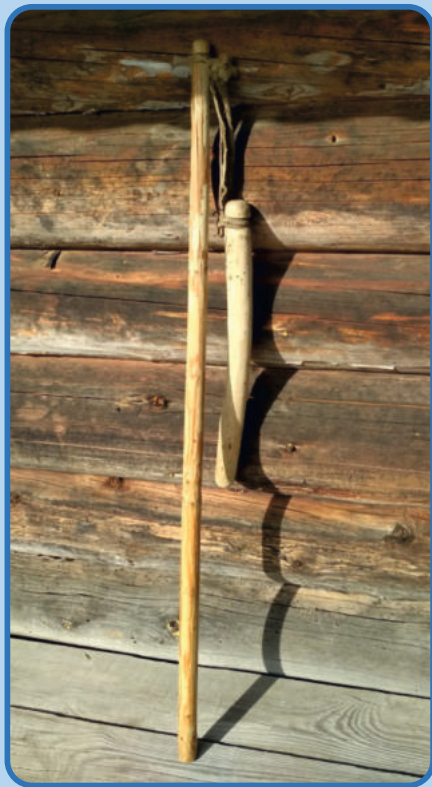
Дойдя до конца, переворачивали рожь, возвращались в начало и шли с молотьбой снова. И так раз шесть-восемь, пока начисто не обмолотишь!

Но не было ли способа молотьбы полегче? Был, и кацкари его знали!

Рожь можно было «хлыста́ть»: взяв «горстúшечку» (небольшой снопик) либо просто пучок, бить колосьями об пол, бревно, бочку... И вот тут кацкари проявили смекалку, изобретя свой особый станок – «хлыста́лку». Это стол с жердяной столешницей. При «хлыста́нии» об эту жердяную столешницу зерно валилась под «хлыста́лку» на пол. Стоит уточнить: валилось самое крупное зерно, которое сразу же оставляли «на се́мена». Мелкое зерно после «хлыста́лки» оставалось в колесе, и рачительные хозяева домолачивали его цепами.

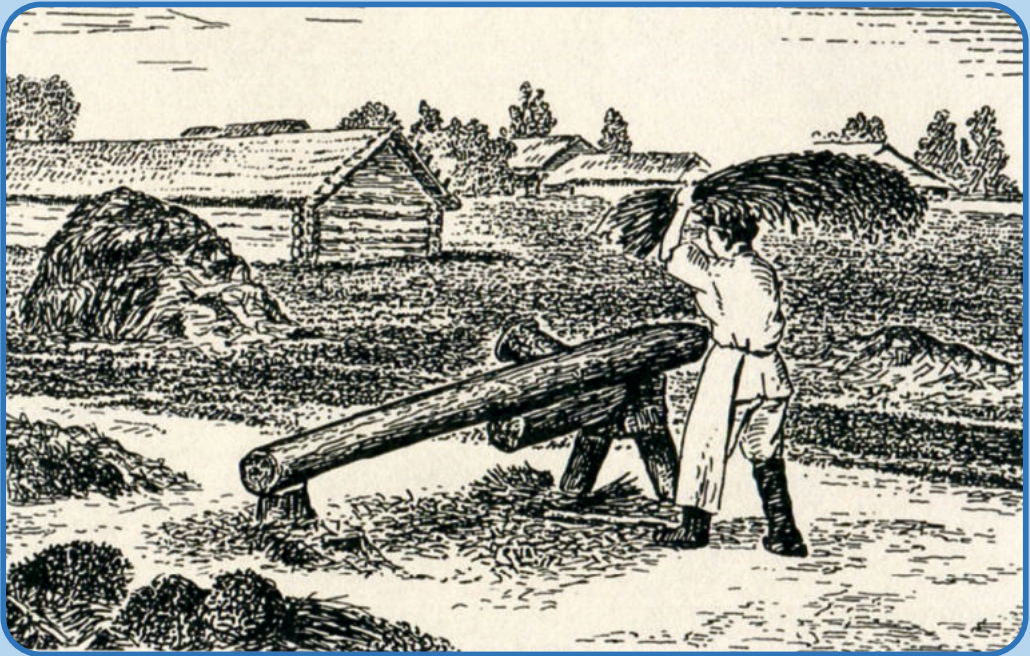
Акварель Н.Н. Каразина «Молотьба», 1902 год.

Цеп – главное орудие
молотбы (из собрания
Этнографического
музея кацкарей).
Снимок 15.05.2019 года.

А эта жержаня
«хлыстáлка – кацкое изобретение
(из собрания Этнографического
музея кацкарей).
Снимок 10.05.2019 года.

Обмолот зерна хлестанием о стойку. Рисунок из книги И.И. Шангиной «Русский народ. Будни и праздники. Энциклопедия», Санкт-Петербург, «Азбука-классика», 2003 год.

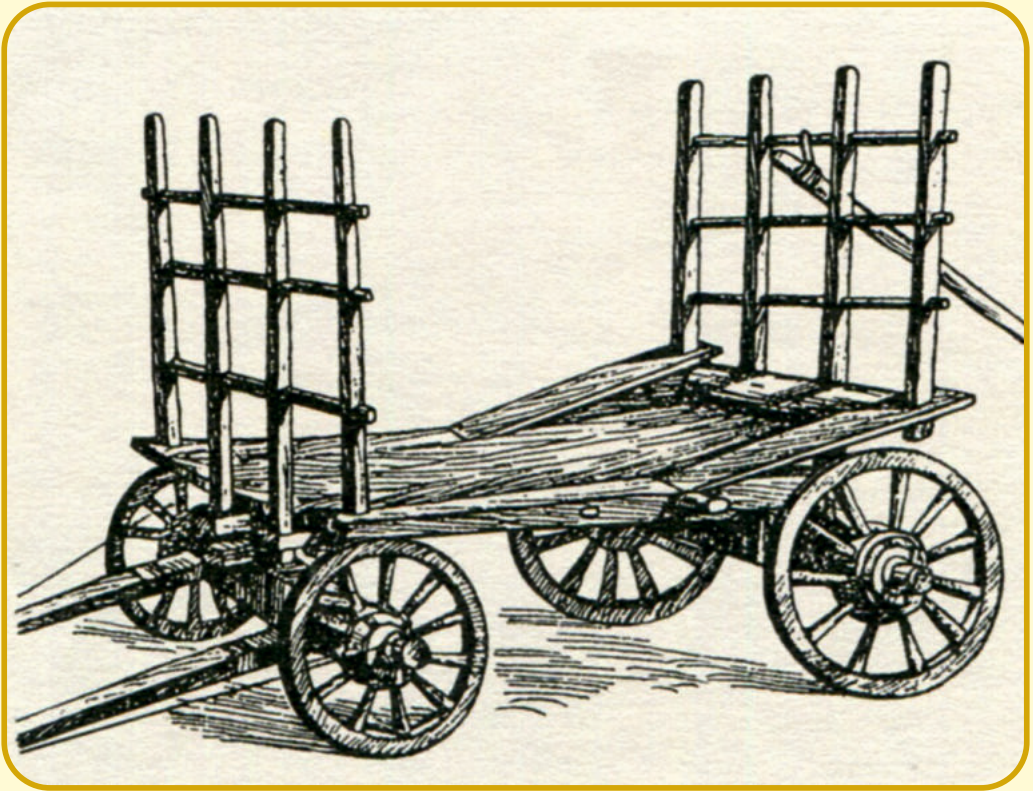
ПРОКАТИ НАС, ПЕТРУША, НА «РОСПУСКАХ»!...

Н.Д. Русинов, побывавший в Кадке на рубеже 1940-1950 годов, отметил, что кацкари совсем не знают «одрѳв». Это такие конные телеги с высокими передним и задним бортами для перевозки сена, соломы, снопов. Распространены они были, как пишут энциклопедии, «в средней полосе Европейской России», да только не у кацкарей. На чём же перевозили грузы у нас, в Кацком стане?

На «ропусках»! Или «розвзнях», как их ещё называют. Любопытно, что в этнографической литературе такой вид грузовой конной телеги не описан, поэтому будем считать «ропуски» кацким изобретением.

Их сразу узнаешь по дугообразным «подушкам»-крыльям над каждым колесом – совсем, как у автомобиля. Бортов у «ропусок», как и у «одрѳв», два – передний и задний, но они совсем не высокие. Груз держат отнюдь не они, а правильная укладка, и крылья в этом деле выполняют роль надёжных опор. А ещё они защищают поклажу и седоков от грязи, что в условиях нашего бездорожья немаловажно.

«Ропуски» были кацкарям любе всех прочих конных телег и имелись на каждом дворе, где держали лошадь. Трактора их вытеснили совсем не давно – в начале 2000 годов.

Вот он – «одёр». Рисунок из книги И.И. Шангиной «Русский традиционный быт. Энциклопедия», Санкт-Петербург, «Азбука-классика», 2003 год. Но кацкари таких телег не знали.

«Роспуски» – традиционная конная телега кучарей.
с. Хороброво, снимок начала 1970-х годов.

Мужики предпочитали ездить «настояка́».
с. Хороброво. Снимок 1970-х годов.

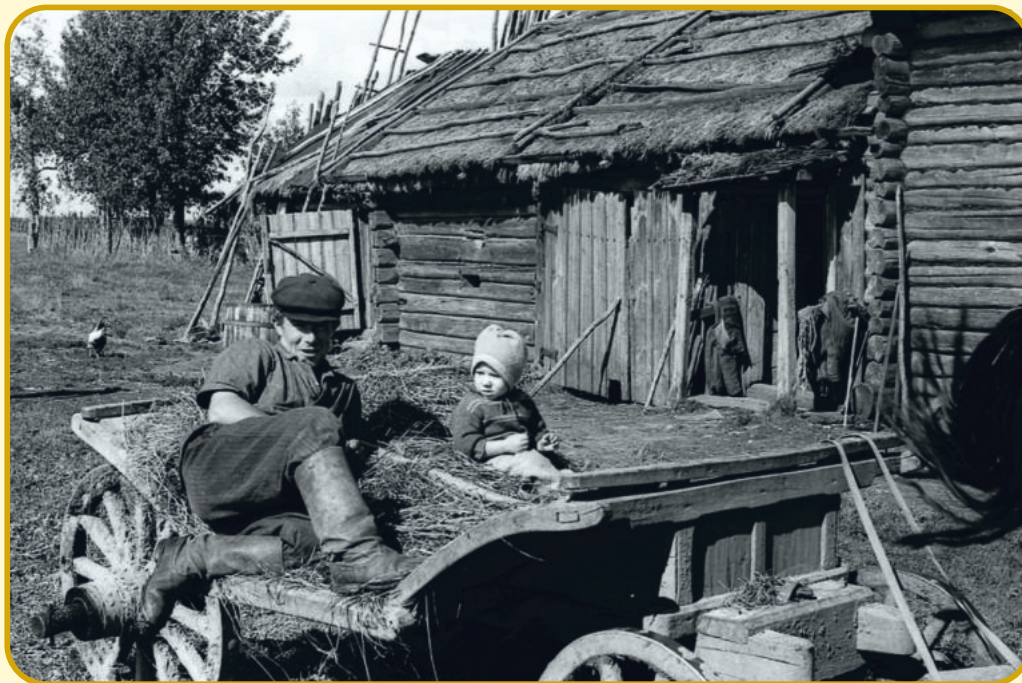
Перевоз бидонов с молоком на «ропусках».
д. Киндяково. Снимок конца 1960-х годов.

На «ро́спуках» да по мосту! д. Чернятино.
Снимок П.К. Лебедева, 1960-е годы.

Для ребятшек прокатиться на «ропусках» – всегда в удовольствие!
д. Парфёново. Снимок 1970-х годов.

Когда на «ропусках» перевозили людей, стлали сена или соломы, чтобы не было так тряско. д. Комарово. Снимок 1965 года.

«ПОЛКІ́», «ГРАБА́РКИ» И ПРОЧИЕ ТЕЛЕГИ

А знавали ли кацкари какие-либо другие конные телеги, кроме «ро́спусок»? Знавали, конечно!

Так, по случаю могли запрячь лошадь и в «пóлок» – телегу, у которой отсутствуют над колёсами крылья. Борта для полка́ тоже необязательны, но иногда их делали – либо спереди и сзади, либо со всех четырёх сторон. На полках удобно перевозить ящики, кипы сена или крупногабаритные грузы – такие, как гроб.

А вот в наво́зницу нет лучше «граба́рки» – конной телеги с боковыми наклонными бортами; в разрезе граба́рка напоминает рюмку. Навоза в такую телегу наметывалось много, а при разгрузке в поле его можно было не скидывать, а сцарапывать сзади особыми вилами-«кара́гулями». По языковеду Фасмеру, «граба́рка» – германское изобретение: «Grabaere» в немецких диалектах «могильщик, землекоп».

Кое у кого были «шараба́нки» – лёгкие телеги-одноколки. Но не это в них главное, а сиденье для сегока: «char´a bancs» по-французски и есть «повозка с деревянными скамьями». Для грузов шараба́нка, конечно, не годится, а вот съездить на ней в магазин – самое то!

Выездные четырёхколёсные телеги назывались «таранта́сы». Они могли быть на рессорах и с сиденьями (например, свадебные), могли и без. На сололке-то, знаете, как-то роднее...

Однако у большинства кацкарей в хозяйстве была всего одна телега – ро́спуски: и для буден, и для праздников, и для грузов, и для людей.

Перевозка бидонов с молоком на полкѣ. д. Чернятино, 1960-е годы.
Автор снимка – Павел Константинович Лебедев.

У бабушки Лопатиновой в хозяйстве тоже был пóлок.
д. Кобелёво (Крайново). Снимок рубежа 1960-1970-х годов.

Современный по́лок на резиновом ходу из села Юрьевского.
Снимок 22.08.2019 года.

А вот и грабёрка, в разрезе напоминающая рюмку.
д. Мартыново. Снимок конца 2001 года.

Эту шарабанку Фёдор Васильевич Дрязгов
из деревни Киндякова смастерил себе сам. Снимок 25.05.2007 года.

Свадебный поезд из тарантасов: это клюкинский Иван Поликарпов приехал в Мартыново за Ольгой Щениковой, чтобы отвезти её на венчание в Покровско-Кацкий (Ковезинский) храм. Снимок конца августа – начала сентября 1947 года.

Пóлок председателя Мартыновского сельсовета
Алексея Сергеевича Степанова. д. Мартыново. Снимок 1958 года.

Пóлок Степанова, переделанный в тарантас (из собрания Этнографического музея кацкарей). Снимок 28.08.2019 года.

КОЛЫШКА НЕ ОГЛОБЛЯ!

Не всё то оглобля, что оглоблею зовётся... Словари трактуют просто: «Оглобля – одна из двух круглых длинных жердей, укреплённых на передней оси повозки и соединяющихся с дугой». Кацкари возражают: «оглобля» только у саней, у телег – «колышки». Они и конструктивно различаются.

Колышка имеет отверстие и, действительно, надевается на ось. Делают её из толстой «жёрзди», которую выкапывают с корнем. Обтёсывают; там, где корень, сверлят и для прочности обивают железом. А вот у оглобли никакого отверстия нет, зато имеется перехват, чтобы привязать её к саням прочной льняной верёвкой-«завёрткой».

Соединение колышки с телегой крупным планом:
видите, она надевается на ось. Снимок 28.08.2019 года.

А это оглобля с перехватом на конце. Для соединения с санями её осталось только привязать. Снимок 28.08.2019 года.

САНИ, САНКИ И САНИШКИ

Что ж, с летними транспортными средствами мы разобрались, а во что бы запрячь лошадку зимой? В сани, конечно! Как и телеги, в старину-матушку сани на каждый случай были свои.

Скажем, везти невесту венчаться – для этого использовались лёгкие и изящные «сварёбные санки». Были они далеко не у всех (оно и понятно, не каждый же год женишься), и при надобности их обычно арендовали, рассчитываясь разными работами по хозяйству.

Для масленичного «катка» или какого другого торжественного выезда лошадь запрягали в «возок»: короткие, но широкие сани с задним бортом. Накладни у возков делали, как раскрытые крылья птицы, чтобы при быстрой езде на поворотах не перевернуться.

Но сказать по чести, и возки были не у всех, а к началу XXI-го века их, как, впрочем, и «сварёбных санок» вообще ни у кого не осталось. Самой распространённой (а сейчас и единственной) зимней повозкой у кацкарей исстари были «розвальни» – те самые, что изображены на знаменитой картине Сурикова «Боярыня Морозова». В деревне Дьяконовке, помнится, про них пели:

*Как по нашей по дёрёвне
Лошадка бёжит,
В розвалё'ных санишках
Мужичок сидит*

Годятся «розвальни» и в мир, и в пир: и груз перевезти, и людей. Если поклажа длинна (скажем, брёвна), прицепляют сзади «подсанки». Если седоков много, устанавливают съёмный задок – так и называют при этом: «сани с задком».

А это супруги Шахановы куда-то на «ро́звальнях» отправились.
д. Богданка, снимок февраля 1982 года.

Если «ро́звальни с задко́м», се́докам го́раздо удо́бней.
с. Ю́рьевское, снимок 1964 года.

Сейчас и на Масленицу катаются в санях «с задком», а в старину это был Бы возок! г. Мартыново, снимок 26.02.2017 года.

Возок в экспозиции Этнографического музея кацкарей когда-то принадлежал Кукличевым из деревни Мякишева. Снимок 17.09.2019 года.

А это «сánки свáребные», они из деревни Нефёдова (из собрания Этнографического музея кацкарей). Снимок 17.09.2019 года.

Любят сани с тормозами,

А коня – за быстроту;

Прóшной любит за карáктёр,

А дурак за красоту! – поётся в кацкой погúдке-чапушке.

Тормоза у саней!? Что это? Для чего?

Санные тормоза – узкая железная полоса, которую прибивают к полозьям. Предназначений у них два. Во-первых, защищать полозья от преждевременного износа. А во-вторых... замедлять их скольжение! Быстрая езда, конечно, хорошо, но не могут же сани бежать быстрее лошади! Любопытно, что в сильные морозы санные тормоза имеют обратный эффект, и их снимают.

Видите железные полосы на полозьях? Это и есть санные тормоза.
г. Нефино, снимок 1970-х годов.

СТАРИННАЯ «ПÉНА» НА НОВЫЙ ЛАД

А бывают ли конные повозки без колёс и полозьев? Бывают, конечно! У кацкарей они называются «пéны».

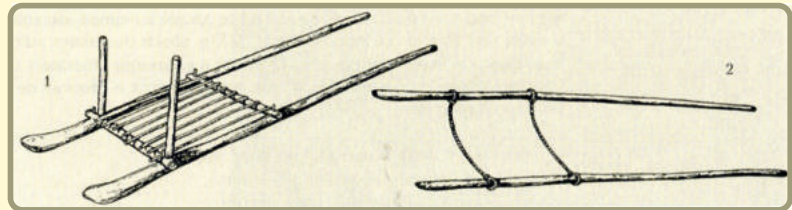
Современная «пена» – изобретение недавнее, 1960-1970-х годов. Когда в колхозах появился списанный металлолом, догадливые мужики смекнули, что кое-что ещё вполне годится в дело. Так, если взять капот от грузового автомобиля и приделать к нему оглобли, то получится отличное транспортное средство для перевозки небольших грузов. Кому капотов не хватило, за основу брали обыкновенный лист железа – главное, чтобы не свой, чтобы где-нибудь удачно подобранный.

Чаще всего на «пéнах» вывозят навоз с личных подворий. Она легка и компакта: её удобно запрячь в любую загородку или даже взять в руки и перенести. Хорошо скользит и по летней грязи, и по зимним сугробам. Вот только название какое-то странное – «пéна».

Вполне возможно, оно от финно-угорского «riena» – «деревянная планка, перекладина» (такое слово, по Фасмеру, есть в финском и карельском языках). Ведь «пéна» – это осовремененная волокуша: древнейшее транспортное средство, состоящее из двух длинных оглоблей с дощатыми или верёвочными поперечинами, на которые и клали грузы.

Так выглядит современная «пéна».
Снимок 14.03.2005 года, д. Мартыново.

А это волокуши XIX-го века: 1) из Ярославской губернии,
2) из Новгородской. Рисунок из книги Шангиной И.И.
«Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь»,
Санкт-Петербург, «Азбука-классика», 2003 год.

Чаще всего «пёну» используют для возки навоза.
Снимок 14.03.2005 года, д. Мартыново.

ВОЗ «НАВИТЬ» – ЦЕЛОЕ ИСКУССТВО!

Вообще-то для Угличского Верхневолжья была характерна перевозка сена «на одрах с высокими решетчатыми стенками спереди и сзади», – писал на рубеже 1940-1950 годов исследователь Н.Д. Русинов. И добавлял, что воз при этом не только увязывают верёвками, но «сверху ещё прижимают толстым колом – слегой». Но у кацкарей был другой обычай: «Сено возят на обычных телегах с низкими стенками и увязывают его на телегах верёвками».

Сенокос у нас стал полностью механизированным с начала 2000-х годов, но многие ещё помнят, как это «навить» воз «на роспусках» – телеге, у которой практически нет бортов (ну разве что два невысокие спереди и сзади). Зато есть четыре «подушки»-крыла над каждым колесом – отличнейшие опоры! С них-то, с «подушек» и начинали класть воза кацкари. «Навильник» за «навильником» – охалпка за охалпкою.

«Навивали» двумя способами. Иные сначала «выкладывали» четыре угла над «подушками», затем четыре стороны между углами, а потом «забивали» серёдку. И так – ряд за рядом, как слоёный пирог. Другие сначала «выкладывали» полностью зад, затем полностью перед и полностью серёдку. Потом опять – зад, перед, серёдка... Очень важно было воз как следует «завёршить»: «верьх» держал под собой всё сено и спасал, если вдруг неожиданный дождик.

«Вязали» возы, как правило, «двум завёркам» (двумя верёвками). «Завёрки» не только держали воз, но и исправляли огрехи неудачной кладки: если какой-то из углов оказывался «зэдран», его можно было утянуть, если «спущен» – стянуть. Правильно сложенный и увязанный воз покоился на «роспусках» настолько прочно, что если они, бывало, при неудачном повороте падали на бок, сено оставалось на месте.

«Навива́ют» воз: зад выложен, на очереди – перед.
д. Комарово. Снимок 1963-1964 годов.

Воз, увязанный «двум завё'ркам» (двумя верёвками).
д. Комарово. Снимок 1963-1964 годов.

Тоже воз, но уже с «льняным горстúшкам» (снопами).
с. Юрьевское. Снимок 1950-х годов.

МУКИ НИ МУЧИНЫ...

Вслушайтесь, как говорят кацкари: «принёси водички» (а не воды), «наколи дровец» (а не дров), «затопи пёчку» (а не печь). Причём «водички», как правило, натаскивают на неделю, «дровец» запасут не на одну зиму, ну а «пёчка» занимает пол-избы... И тем не менее употребление уменьшительно-ласкательных форм не знает предела. Отправьтесь с кацкарём... ну хотя бы на сенокос.

– Сколько накосил-то?

– Да чёго тамо, грудки две...

А потом возить эти «грудки две» – два дня. Нет, не так – «денькя два».

Привычка прибедняться от народной ментальности: надо приуменьшить предмет, чтобы не позавидовали и не сглазили.

– Много ли сена привёзли?

– Да чёго тамо, один острамок...

«Острамок» – это когда сам себя «острамишь», навьёшь невысокий воз. И вот смотришь на этот «острамок», а он до того высокий, что и «вёрхя» не видать, шапка сваливается! То же и с «омётом»: несмотря на то, что это всего лишь «небольшой стог, стожок», кацкари не стесняются назвать «омётами» и самые большие стожища...

Так что не верьте кацкарю, если он вдруг начнёт причитать: «Ой, у нас муки ни мучины, крупы ни крупины, пёска ни пёсины...» Всё-то у него есть, но он опять по свойственной ему привычке прибедняется...

Такие вот лошадиные возы кацкари называют «остра́мки».
д. Чернятино. Снимок П.К. Лебедева, 1968-1970 годы.

«КОЛЯНКО-ТО УТОНУЛ!»

Итак, для кацкарей характерно прибедняться, приуменьшать свои достижения. Ну, это чтоб не сглазили! Вероятно, по той же самой причине им свойственно и преувеличивать несчастья. Признайтесь, ну кто не слышал от соседа:

– Ой-ой, озимки (то есть весенние заморозки)! Без картошки нóнче!

– Ой-ой, засúха! Без картошки нóнче!

– Ой-ой, фитофтора! Без картошки нóнче!

А по осени, слышно, сосед картошку продаёт...

Привычка преувеличивать беды, также как и привычка приуменьшать достижения, настолько глубока в народном сознании, что даже повлияла на народную речь. Некоторые общеупотребительные слова в связи с этим в речи кацкарей приобрели несвойственные им значения. Ну вот пример:

– Мánькя, а Мánькя! Коля́нко-то у те́бя утóнул!!!

– Вот паразит! Ужо явится, я ёму зада́м...

Как же он явится, если утонул? Да в том-то и дело, что глагол этот кацкари употребляют в значении «зачерпнул сапоги». Дры́бался, значит, Коля́нко в луже, да, вот, с полными сапогами воды и явился – «утонул»... А что же такое случится с ним, если скажут: «Коля́нко-то убился»? Упал и ушибся! Больно, конечно, но отнюдь не смертельно...

Глаз замыливается. То, что окружает нас с детства выглядит обыденным, и кажется, что у всех так. И только удивлённый взгляд стороннего человека выдаёт, что та или иная привычная нам черта – на самом деле местная этнографическая особенность.

Вот, Николай Дмитриевич Русинов ещё в 1956 году писал, что кацкари «не обгораживают гúмен». «Гумно́» (в кацком произношении «огúмна») – это та же усадьба. Вообще-то в деревнях Угличского Верхневолжья «гúмна обязательно обгораживают», но вот жители поречин Кадки, Корожечны и Пукши этого не делают, что и бросилось исследователю в глаза.

И в самом деле. Если пройтись по нашим кацким деревням, то с лица, с улицы, все заборы, вроде бы, на месте. Один другого краше! Но стоит только зайти за дома, как изгороди совершенно исчезают. Ни усадьбы, ни даже огороды не огорожены! Попробуй тут догадаться, где заканчиваются хозяйские владения? Где границы между соседскими участками?

Вот так. Мы-то думали, что неогороженные «огúмна» – это от лени. А на самом деле – кацкая этнографическая черта, замеченная ещё Н.Д. Русиновым в середине XX-го века.

Мартыново. Деревенская улица. Заборы, вроде, на месте.
Снимок 16.06.2019 года.

Но позади домов заборов нет... Снимок 29.05.2019 года.

«ПЕРЕТЫКИ СТАВИЛА...»

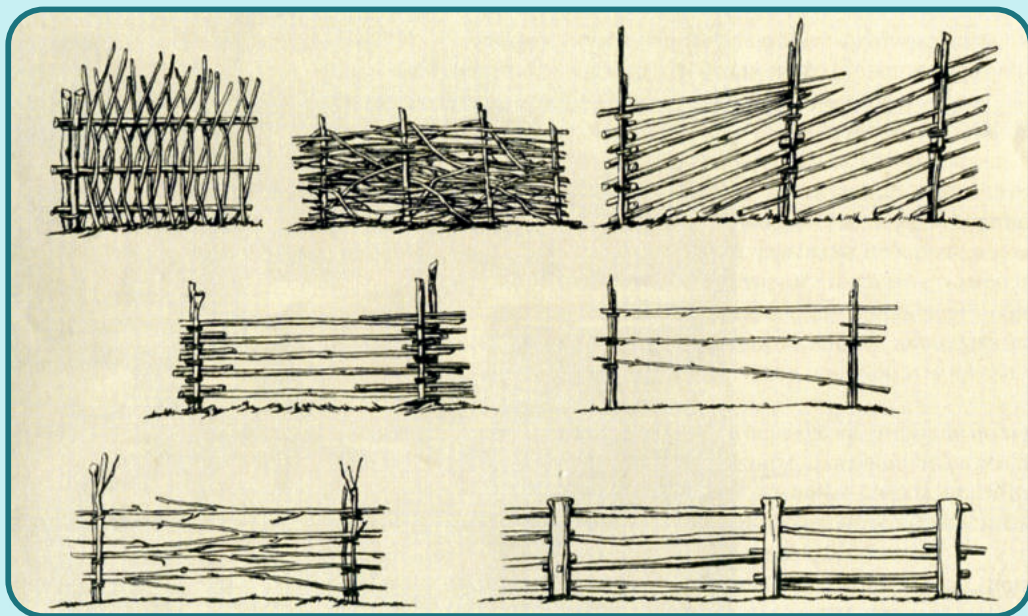
*Огоро́ды городила –
Перетьки ставила;
Семь потов я не любила,
Да нужда заставила!*

«Семь потов» никто не любит, но что же такое... «огоро́ды»? Не улыбайтесь: «огоро́д» в речи кацкарей-стариков вовсе не то место, где растут капуста с картошкой, а «забор, изгородь». Стало быть, «перетьки» – это такой вид изгороди.

Это когда вместо столбов вбиваются попарно колья. «Если сухо, – подсказывали бывалые, – дак ты землю-то пролей!» Затем в ход идут «брядóвые ви́цы» – ивовые прутья, которые накручиваются между кольями восьмёрками. «Если ви́цы толсты, – ещё один совет, – дак ты на них приступи да повёрти хороше́нькё!» Накрутил восьмёрку – положил на неё «жерздь». И снова восьмёрка, и снова «жерздь» – гвоздей не надо! Обычно «перетьки» ставили в шесть-семь «жорздёй».

А городили ими поля, сенокосы, «вЫгоны» (пастбища), загоны, с чистою водою пруды – всё то, что необходимо защитить от скотины и дикого зверя. Ставить и починять «перетьки» было общественной работой, которую выполняли весной до начала посевной. Трудов много, но всем миром-то и спорей, и веселее:

*Огоро́ды городила –
Перетьки ставила:
Ой, какого боёво́го
Горевать заставила!*

Типы изгородей в северных селениях России. Рисунок из книги И.И. Шангиной «Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь», Санкт-Петербург, «Азбука-классика», 2003 год. Жаль, не подписаны названия изгородей и точные места их бытования, но на «переты́ки» больше всего похоже то, что в среднем ряду первое.

А это Кацкий стан: как видно, загон для скота горожен «перетыкам»,
д. Нефино. Снимок 1939 года.

Если приглядеться, то поле на заднем плане огорожено «переты́кам».
с. Ордино. Снимок В.П. Покровского, 1910-1920-е годы.

Фото на фоне «перетьк». д. Кобелёво (Крайново)
Снимок 21 ноября 1961 или 1962 года.

В Этнографическом музее каикарей «перетыки» в две «жорзди».
Снимок 17.11.2019 года.

ЕДУТ, ЕДУТ БОГАЧИ!

Старожилы 1910-1920-х годов рождения взахлёб вспоминали, что в пору их детства огорожены были не только поля с выгона́ми, но и сами селения. Ну вот, вокруг Хороброва, например, стояли «перетьи́ки» в семь жердей, и на каждой дороге проездные ворóтца: на Дьяконово, на Клюкино, на Юрьевское и к реке под горою.

День-деньской ребятня «кóло ётих ворóтец и вита́лася». Чу – звенят бубенцы от Юрьевского: богачи едут! И верно, подъезжает тарантас, ездоки в шляпах. Ребята быстрее открывать ворóтца, а им за это гостинцы – конфеты, «боранки»... Впустили тарантас в село, а сами набыстро на другой его конец – другие ворóтца открывать, ездоков выпускать. И те в благодарность опять чего-нибудь съестного кинут.

Такие вот яркие воспоминания... И вот что подумалось: а может, кацкари потому свои огумна каждый по отдельности не огораживали, что была огорожена вся деревня в целом? С началом коллективизации обычай огораживать селения пропал, но и за горожение огу́мен кацкари так и не принялись. Деревни стали как бы «голыми», что и бросилось в глаза побывавшему в Кадке на рубеже 1940-1950-х годов исследователю Н.Д. Русинову.

1963-1964 годы, деревня Яксаево. Огораживать селения кацкари перестали, но городить огумна так и не начали. Деревни стали как бы «голыми»...

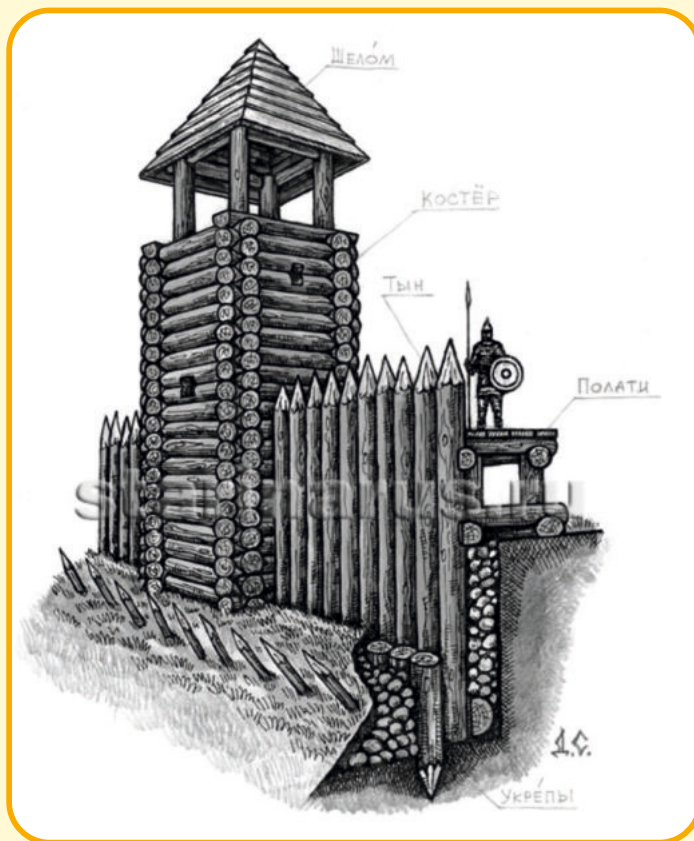
А это доколхозные 1920-е годы, село Ордино. Если вглядеться, всё оно огорожено «перетыкам». Снимок В.П. Покровского.

Песня про рябину, что склонилась «до самого тына», широко известна. Но проиллюстрировать её не так-то просто: надо чётко знать, где и когда именно росла та самая рябина.

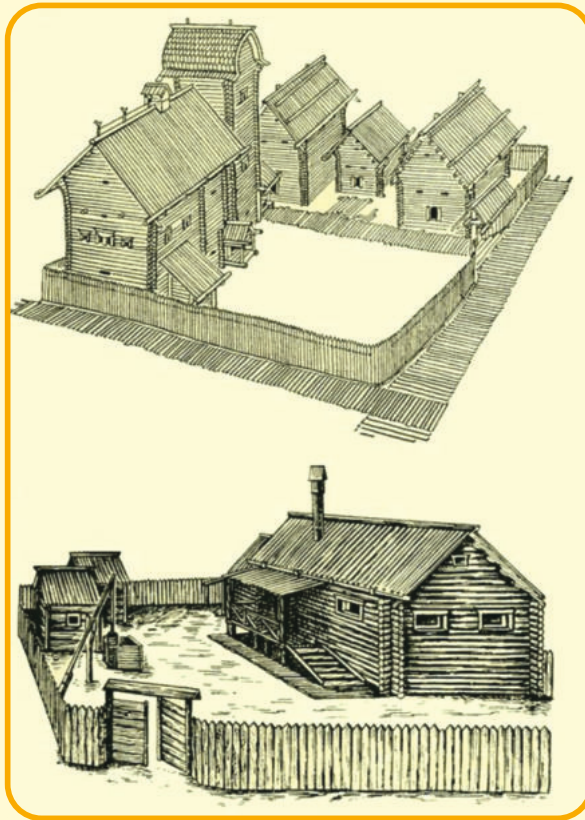
Если, скажем, лет тысячу назад, то, скорее всего, дело было в городе или в замке знатного землевладельца. В то время «тыном» называли крепостную стену, представлявшую собой толстые заострённые брёвна, вкопанные в землю плотно друг к другу. С появлением огнестрельного оружия такие крепости стали ненадёжны, но «тыны» не исчезли – забором из вкопанных в землю брёвен городили свои усадьбы те, кто побогаче. Времена-то были лихие, а бережёного, как говорится, Бог бережёт!

К XIX веку «тын» остался только в деревнях. Это по-прежнему забор, но в сравнении с давним своим предком гораздо скромнее. Городят его уже не из брёвен, а из «частокóла» – «брядóвыхех» (ивовых) прутьев длиной два-три метра. Заготавливают «частокóл», как правило, в марте по насту и обязательно «гранят» – срезают продольную полоску коры, иначе «бряд» прорастёт. Ну а весной перед полевыми работами либо осенью после них принимаются и за горожение – «частокóл» в Кацком стане принято переплетать вертикально, пропуская между тремя горизонтальными жердями то спереди, то сзади.

«Тын» – самая надёжная защита от куриц, и поэтому им огораживали огороды и палисадники; в особенности огороды, которые кацкари так и зовут – «тын». В 1990-х годах таких плетёных заборов было ещё много, но сейчас они почти все вытеснены деревянным штакетником, сеткой-рабицей или новинкой 2010-х – евроштакетником. Вот к чему теперь склоняют ветви современные рябины...

Такими вот тынами в древности были огорожены города.
Рисунок из очерка «Деревянные крепости и первые церкви Слободского (часть 1)», сайт «Путешествия Семиэстрель» (www.semiestrel.ru).

Вверху: усадьба огорожена тыном. XII век, Новгород. Внизу: тын вокруг открытого двора, где расположены срубный дом и хозяйственные постройки. IX-XIII века. Из книги И.И. Шангиной «Русский традиционный быт. Иллюстрированный словарь», Санкт-Петербург, 2003 год.

А вот и наш кацкий «деревенский тын».
Им когда-то был огорожен Юрьевский детский дом. с. Юрьевское.
Снимок второй половины 1940-х годов.

Школы тоже часто огораживали ты́ном. с. Тимохово.
Снимок 1963-1964 годов.

А здесь тѣном огорожен палисадник. д. Мартыново.
Снимок рубежа 1970-1980-х годов.

Горожение тына в Этнографическом музее кацкарей.
Снимок 17.10.2018 года.

КАЦКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

«Особенности земледельческой лексики в бассейне реки Кадки» – а что, есть такие! В работе известного филолога Н.Д. Русинова «Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья (по данным местной земледельческой лексики)», опубликованной в 1956 году, под таким заголовком приведены диалектные слова, характерные только для кацкарей. Какие именно?

«Взімок» – охалка вылежавшейся тресты;

«гáлка» – поднятая со стлища и составленная в форме конуса треста;

«грязнó» – пучок луку, выросший из одной луковицы;

«Гузо́вье» – комлевая часть снопа;

«дягíль» – растение Archangelca (дудник);

«пелё'да» – неподвижная соломенная стена у риги;

«поло́ва» – овсяная мякина;

«порéчье» – покос вдоль реки;

«сва́лень» – первый травяной вал, образующийся при кошени травы (он всегда оказывается в два раза больше остальных);

«слоно́к» – несколько снопов низкорослых зерновых – овса, ячменя, гречихи – поставленных на поле в форме двухскатной крыши».

Этот словник – первый опыт собирания собственно кацкого диалекта. Он небольшой, но ценен тем, что содержит слова, которые теперь мало кто употребляет. Жизнь-то меняется, и вместе с ручным трудом уходит в прошлое и обслуживающая его деревенская речь.

Николай Дмитриевич Русинов – доктор филологических наук, профессор Нижегородского университета. В 1947-1956 годах он работал научным сотрудником в Угличском архиве.

Могила Н.Д. Русинова на четвёртом участке Бугровского кладбища города Нижнего Новгорода. Снимок с сайта «Нижегородский некрополь»: <http://niznov-nekropol.ucoz.ru>.

ЕЩЁ О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Словарь собственно кацкой диалектной лексики, собранный в 1940-1950 годах Н.Д. Русиновым, невелик: всего десять слов. Но, во-первых, его интересовала только земледельческая лексика, во-вторых, был он у нас в Кацке не везде и недолго, а в-третьих, слов-то он собрал всё-таки больше. Дело в том, что часть из них он поместил под рубрикой: «Земледельческие слова, общие только для смежных групп бассейнов рек Кацки, Корожечны и Пукши». Что это за слова?

«Бобѳы» – фасоль;

«Гоняѳь бѳорозды» – пропахивать борозды после бороньбы озимых осенью для стока излишних весенних вод;

«изгорѳда, перѳгорѳда» – изгородь любой формы, защищающая возделанный участок – огород, пашню;

«Лѳешетень» – передвижная соломенная стена у риги;

«мшарѳна» – болотистый покос со мхом;

«оклаѳ» – участок земли, вспаханный так, что середина его несколько выше, чем бока;

«опѳлки» – удалѳнные с гряд или поля сорняки;

«парѳна» – пар, паровое поле;

«сѳбина» – участок пашни, возделанный молодой снохе еѳ свѳкром или свѳкровью (в доколхозном земледелии), урожай с которого – обычно лѳн – шѳл исключительно на нужды снохи и детей, которые у неѳ появятся (причѳм и обрабатывала собѳну сама сноха);

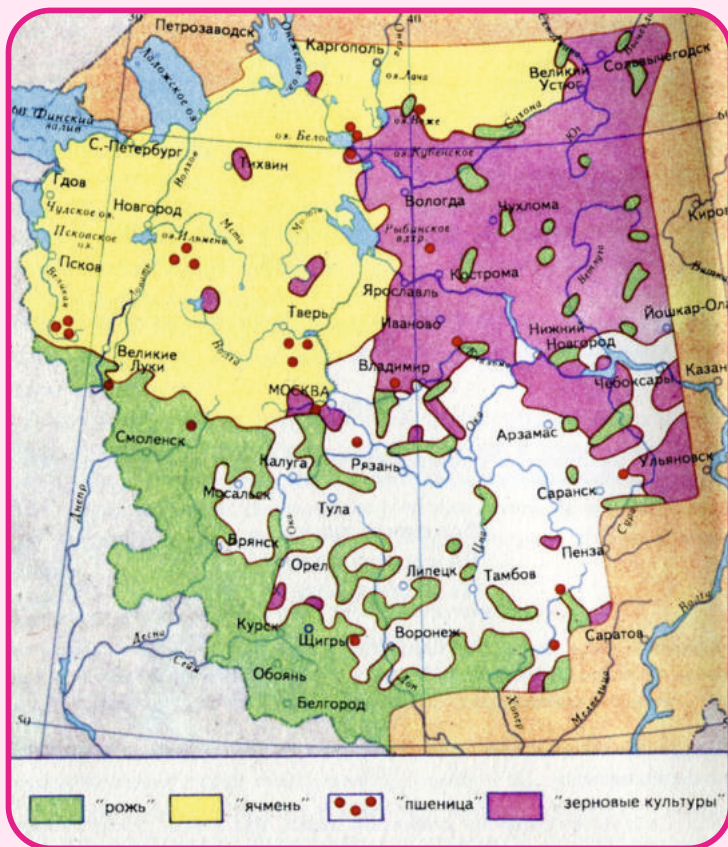
«трѳить» – третий раз перѳпахивать поле перед его засевом.

В современном словаре кацкого диалекта, который из номера в номер публикуется в краеведческом журнале «Кацкая летопись», местной диалектной лексики, в том числе и земледельческой, гораздо больше. И это объяснимо: словарь-то сейчас собирают сами кацкари, причѳм долго – без малого тридцать лет. А чем работа скрупулѳзнее, тем обильнее и урожай.

Кто ж ни читал Гоголя, его знаменитую «Сорочинскую ярмарку», например!? Эпиграфом к одной из глав там такая поговорка: «За мое ж жито, та мене й побито». С украинского она переводится: «За мою же рожь, да меня и побили». Вот те раз: «жи́то» – «рожь»! У кацкарей «жи́то» – «ячмень»...

Слово это есть практически во всех славянских языках; кто-то считает его исконным от глагола «жить», кто-то заимствованием из греческого, где «зитос» – «хлеб». У славян «жито» не просто «хлеб», а «всякий хлеб в зерне или на корню». Но в некоторых местах так называют не зерновые вообще, а одну вполне определённую культуру, которую сеют больше других. Так, на Украине и на юге России «жи́то» – это «рожь», а в Калужской области – «пшеница». Горох и овёс тоже кое-где так называют, но для кацкарей «жи́то» – однозначно «ячмень».

Он, может быть, не такой урожайный, да и жать его из-за низкорослости тяжелее. Хлеб из него, если не смешать со ржаной мукой, не самый вкусный, а «житяная» каша, по воспоминаниям старожилков, была колючей. Но зато ячмень – самая скороспелая из всех зерновых культур: посеял, а через восемь-девять недель уж можно убирать. В иные зимы, случалось, озимая рожь выревала, и весной крестьяне пересевали ржаное поле ячменём. Ячмень, успевая вызреть, спасал от голода! А раз спасал, значит, «жи́то» и есть...

«Жито» в русских диалектах – слово многозначное.

Карта из книги «Язык русской деревни.

Школьный диалектологический атлас», Москва, «Аспект Пресс», 1994 год.

Ну а выглядело
жито-ячень так.
Снимок с сайта
«Яндекс. Картинки»
(<https://yandex.ru>).

Житяные-ячменные
зёрна. Снимок с сайта
«Яндекс. Картинки»
(<https://yandex.ru>).

РУССКОЕ ПОЛЕ И КАЦКОЕ ПОЛЕ

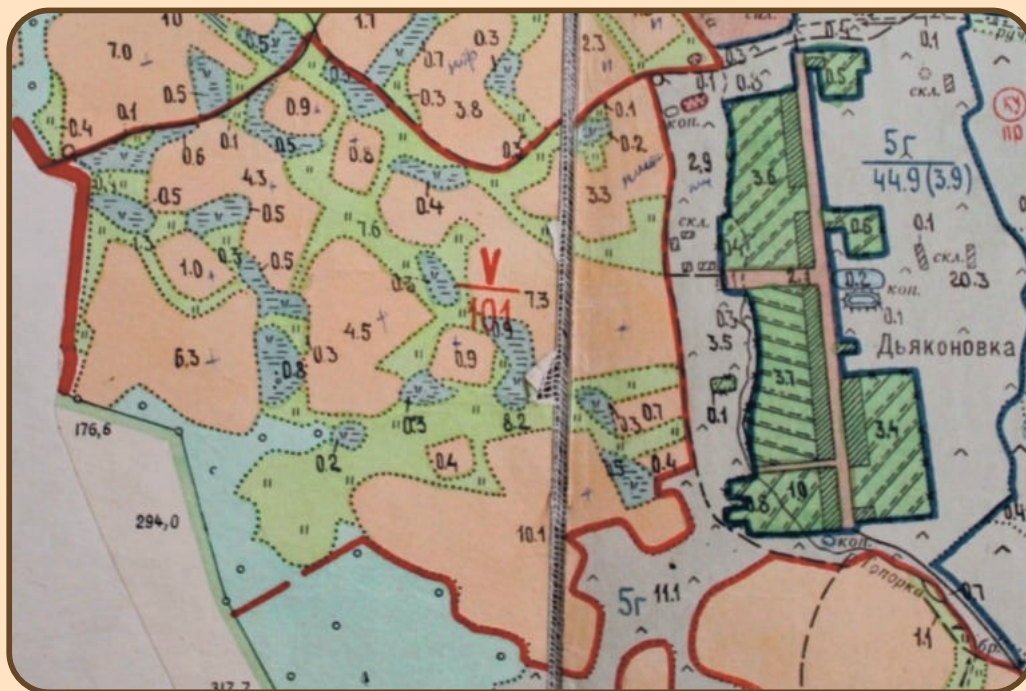
Русское поле... Кацкое поле... Разве это не одно и то же!? Не вполне. Бывает так (и, кстати, довольно часто), когда слово и в литературном языке, и в диалекте звучит одинаково, но значениями различается.

Откроем словарь русского языка: «Поле – обрабатываемая под посев земля, участок земли». Сразу вспоминается картина Шишкина «Рожь». Но «бахорья по-кацкие», на картине Шишкина изображено не поле, а... «холм»! Да-да, если холм в русском литературном языке – «округлая возвышенность, отлогая горка», то в кацком диалекте именно «обрабатываемый под посев участок земли» и есть. (Небольшую возвышенность кацкари назовут «горбóм», «горбáню» или «горбáном»).

А что же тогда для кацкарей «поле»? Совокупность «холмов» (в кацком значении), расположенных по соседству. Это не единый пахотный массив: между «холмами» – дороги, ручьи, канавы, «часники» (рощи), болота... Иными словами, для русского глаза – полей много, а для кацкого – одно, состоящее из нескольких разбросанных там и сям «холмóв».

Поле № 2		Площадь в га
Наименование холмов		
Н. Красный холм		13:00
Березовый - -		4:90 ае
По сабинской дороге забер. холмов		1:34 ае
Вд концы у черноземного труда.		1:80 ае.
За черноземным трудом		1:90 ае
По долгой гари		1:80 ае.
За мохом на право		2:80 ае
Злаговой холм		7:70 ае.
По дороге к сабину на лево	~~4:00 ае~~	ае
Вд концах клад. холма боло.		0:30?
За сабине.		? 2:46?
По Бобасевской дороге в горб		1:21 ✓
За горбом у черноземного труда.		2:07 ✓
По Бобасевской дороге в гари		1:52 ✓
По горелой гари полоска		0:65 ✓
За ней то дорога		0:60 ✓
Лапа		2:83 ае
Горышничник		2:60 ✓

Поле № 2 (имеется в виду порядковый номер в севообороте) Галицынской бригады колхоза «Восьмое марта» состоит 18-ти небольших «холмов». Страница из тетради бригадира Павла Ивановича Елисеева. д. Плишкино-Покровское, 1970-1980-е годы.

А так выглядит кацкое поле на карте. Много-много «холмов» на разном расстоянии друг от друга среди болот, зарослей кустарника, выгонов в «заболнах» и «часничкёв». Но это одно поле – Голескí при деревне Дьяконовке, или поле № V в севообороте тамошней бригады.

СТРУШНЁНЬЁ С ГОРСТУШКАМ

«Горстүшки» – это льняные снопы. Последней из кацкарей, кто их вязал, была, пожалуй, Екатерина Николаевна Розова из деревни Мартынова. Не то чтобы у нас в Кацком стане перестали выращивать лён – просто закупил льнозавод «рулónников» (пресс-подборщиков) и стал теми «рулónниками» наматывать льняную тресту в большие рулоны. Человеческие руки оказались не надобны, но в том 2003 или 2004 году Екатерина Николаевна по привычке вышла в поле и перевязала в «горстүшки» целый холм от Мартынова к Апраксину...

«Струшнёньё» – это тяжёлое обременительное дело, многочисленные хлопоты. При ручной уборке льна так и было...

Околоченная льняная треста ровными рядами расстелена «на стлїще». Лежит там неделю и две, и три, вымокая под дождями и росами. К ней подходят брать «опыткі». Возьмут горсть и потрут руками – не отходит ли костра? Если отходит, значит, лён «вылѣжался» – его можно вязать в «горстүшки» и убирать. Но бывает, кое-где попадѣтся и недолежавшая треста, рыжеватая по цвету – такой лён называется «недолѣга». «Перелѣга» – это наоборот: когда треста лежит на стлїще слишком долго и уже начала подгнивать.

Если вѣдро, то лён сгребают в небольшие кучки-«взнімки»: кто вилами, кто граблями – кому как любее. Из этих-то «взнімков» и вяжут «горстүшки»! В ненастные же дни льняную тресту для просушки сначала ставят в конусы, которые в разных деревнях называют по-разному: «гáлки», «галчүшки», «бáбки», «грачүшки»... Пообдует «гáлку», и из неё можно вязать «горстүшку». Правильная «горстүшка» должна состоять из двух «горстей»: одна «гузовьём» (комлем) вниз, а другая вверх.

Готовые «горстүшки» ставят в «пóстати» – в три прижатые друг к другу ряда с двухскатной крышей из «горстүшек» же.

Всѣ это ещё двадцать лет назад для кацкарей было обыденно. В осеннюю пору в поля выходили не только колхозники, но и школьники, работники социальной сферы, пенсионеры. Но вот ручной труд стал ненужным, и вместе с ним из жизни стремительно ушѣл целый мир льноводческих умений и слов.

Ученик Мартыновской школы Миша
Осокин собирает льняную тресту
во взнімки. Снимок 2001 года.

Алёша Боярсков готовит вязку.
Снимок 2001 года.

Катя Громова вяжет горстúшку.
Снимок 2001 года.

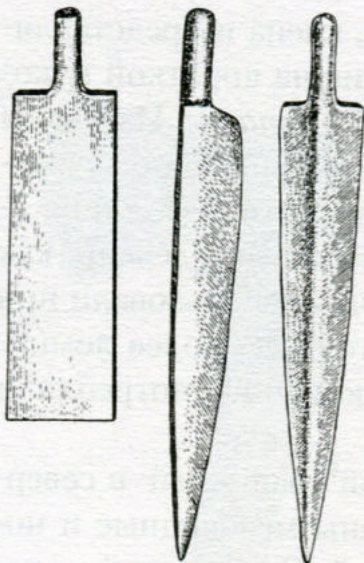
Серёжа Туркин ставить горстúшки в
пóстать. Снимок 2001 года.

Вот спросишь современного ребёнка, что это такое, и он ответит: «Меч! Только вот почему-то деревянный...» Сто лет назад дети, наверное, отвечали так: «Что за глупый вопрос? Конечно, трепало!» Ну, или «трёпальцо», если уж «бахорить по-кацкие».

Льянную тресту, после того как разомнут на «мяльнице» (мялке то есть), надо обязательно отрепать: сбить и соскоблить остатки костры. Получится «кудэля» – льноволокно, которое уже можно подвязать к прялке и прясть.

Так вот: трепали при помощи трепала – деревянной дощечки сантиметров 60-70 длиной. До половины XX-го века этот предмет был практически в каждой русской крестьянской семье. Что же в нём кацкого? Форма!

Обычно трепала изготавливали трёхгранными, дающими в сечении равнобедренный треугольник; со стороны они походили на толстоватую пику. На Вологодчине, если судить по картинкам, трепала плоские, по форме напоминающие пилу-ножовку. Кацкие «трёпальца» тоже плоские, но все как один похожи на меч. Посетителям Этнографического музея кацкарей, конечно, это сразу бросается в глаза, порождая много нелепых догадок: ну зачем в крестьянском хозяйстве когда-то нужны были деревянные мечи!?

Трепала разной формы:
лопатообразное, ножевидное,
мечевидное

Трепала разной формы.
Иллюстрация из книги И.И.
Шангиной «Русский традиционный
быт. Энциклопедический словарь»,
Санкт-Петербург, «Азбука-классика»,
2003 год.

А вологодские трепала более
похожи на пилу-ножовку.
Иллюстрация из книги М.В. Сурова
«Вологодчина: неизведанная
давность», Вологда, 2002 год.

Кацкие «трэпальца» – из мечевидных мечевидные (из собрания Этнографического музея кацкарей)!
Снимок 15.08.2019 года.

Тётка Огапея в Этнографическом музее кацкарей показывает один из видов трепания – «соскабливанием».
Снимок 12.04.2018 года.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ГЕРБЫ - «ПОКОННИЦЫ»

«Покон» у кацкарей – это род, племя, родственные по мужской линии семьи. Так и скажут, например: «Вижу, ты Тёмняткиных покона, а вот он – Ёршовых!» «Поконница» – это нечто, которое у каждого «покона» должно быть своё. Что же это может быть, кроме фамилии? Герб!

Вот те раз – у крестьян да гербы! Для чего!? Помечать земельные участки: пашню и сенокосы. В доколхозное время все поля и пастбища, да и сами селения, были огорожены. Городили всем миром – каждая семья свой участок. И вот ломают лошади «огород» (то есть ограду), а пастух уж ищет на сломанной жерди «поконницу»: кому починять? Даже бабам деревенским и тем с «поконницам»-то сподручнее! Вот, отстукивают они бельё на реке, отстукивают, а потом колотушки в сторону, и новости обсуждать. Как бы потом эти самые колотушки не перепутать? «Поконницы» и выручали.

Конечно, крестьянские «поконницы» не столь замысловаты, как дворянские гербы. Главное, чтобы их было легко нарисовать, вырезать или выкосить в начале сенокосной «кулиги». Это, как правило, видоизменённые буквы или геометрические фигуры: так, «поконница» Щениковых-Григорьевых из Мартынова – круг с точкой посередине, Крюковых из Хороброва – змея в виде немецкой буквы «S», Негодиных из Владышина – двузубец, а Титовых из Левцова – буква «Г» на ножках...

С появлением колхозов надобность в «поконницах» отпала, и они стали забываться. Последние старожилы, кто ещё припоминал их, умерли в 1990-х годах. Впрочем, в Этнографическом музее кацкарей хранятся предметы с этими странными знаками, но в большинстве случаев они, увы, онемели...

Поконницы:

- Ф («ферт») - Серовых, д. Новинки;
- С («змея») - Вржковых, с. Хоробрече;
- Ц («звучу») - Несогиних, д. Владимице;
- А - Рауковских, д. Вандехове;
- Л - Знаковых, д. Мартынове;
- О - Щениковых-Рисеревых, д. Мартынове;
- Х - Мелешкиных, д. Бяжковска;
- Г («г на конках») - Житовых, д. Мелуове.

Какие «поконницы», о которых известно достоверно.
Из записей С.Н. Темняткина, 1990-2000-е годы.

Валёк с «покóнницей» (из собрания Этнографического музея кацкарей).
Снимок 02.11.2019 года.

Бельевая колотушка с «покóнницей» Лепёшкиных
из деревни Дьяконовки (из собрания Этнографического музея кацкарей).
Снимок 02.11.2019 года.

Эта буква «Г» на ножках ни что иное как «покóнница» Титовых из деревни Левцова (из собрания Этнографического музея кацкарей). Снимок 02.11.2019 года.

Этот двузубец – «покóнница» Негодиных из деревни Владышина (из собрания Этнографического музея кацкарей). Снимок 02.11.2019 года.

Буквой «А», что
вырезана на цепи,
предположительно,
помечал свои вещи
«покóн»

Разумовских из
деревни Киндякова
(из собрания
Этнографического
музея кацкарей).

Снимок
02.11.2019 года.

Этот странный
предмет из дома
юрьевского
бригадира Алексея
Николаевича
Чуракова – то
ли счётное
устройство, то ли
собрание сельских
«покóнниц»
(из собрания
Этнографического
музея кацкарей).
Снимок
06.11.2019 года.

Букве «ё» в русском языке не повезло: и ввели её в алфавит сравнительно поздно (в 1783 году), и употребляют до сих пор факультативно (то есть по желанию пишущих). А между тем для кацкарей это очень важная буква: они «ёкают» – произносят её в безударном положении. Да-да: если в русском литературном языке «ё» всегда ударная, то в кацком диалекте она ведёт себя как любая другая гласная буква – может быть ударной, а может и безударной.

Первым среди учёных на эту речевую особенность кацкарей обратил внимание Н.Д. Русинов в работе «Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья (по данным местной земледельческой лексики)». «Только на северо-западе, западе и юго-западе Угличского Верхневолжья имеется предударное ёканье», – писал он, подразумевая под северо-западом, западом и юго-западом бассейны рек Кадки, Корожечны и Пукши. Николай Дмитриевич указал на предударное ёканье, но оно у кацкарей всеобъемлюще.

Итак, в каких случаях безударная «е» в кацкой речи переходит в безударную «ё»?

Прежде всего, в окончаниях глаголов I-го спряжения:

«ты знаёшь,
он знаёт,
мы знаем,
вы знаётё».

Далее – в окончаниях имён существительных и прилагательных среднего рода:

«пóлѣ дóлгоѣ,
пóлѣм дóлгиѣм».

(Кстати, в окончаниях существительных и прилагательных в «ё» может перейти и безударная «и»: «сінѣй-сінѣй інѣй...», и безударная «я»: «вѣмѣ»).

В корнях слов кацкари ёкают в первом предударном (это и есть «предударное ёканье») и первом заударном слогах:

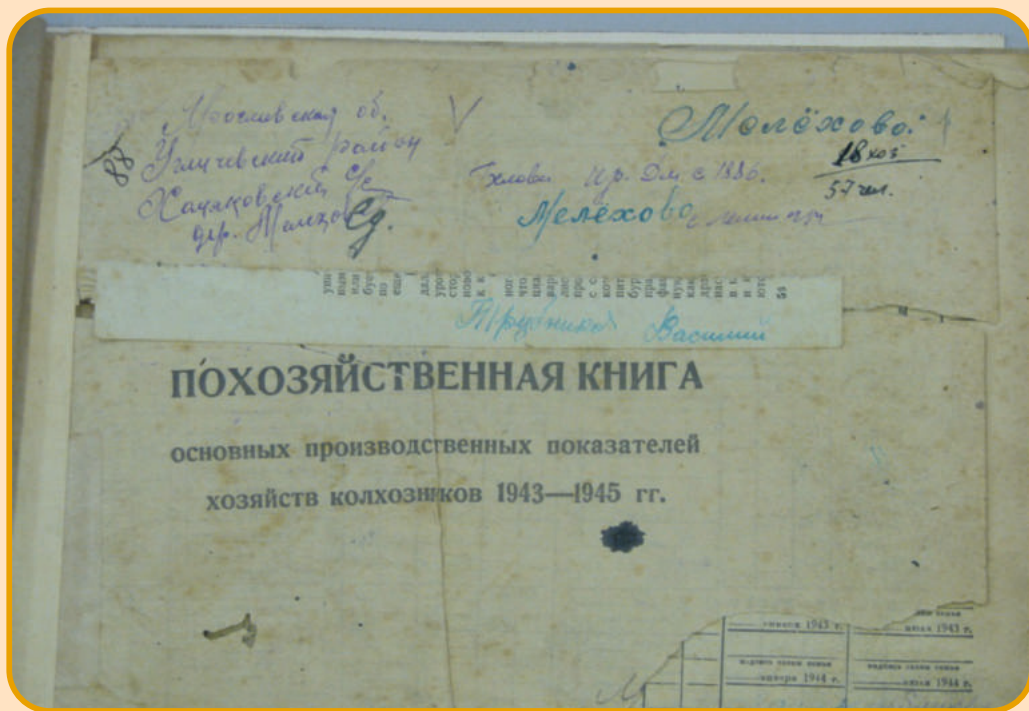
«Вёсна́,
вётёр».

А вот в слове «корога́з» – «е», хоть и безударная, остаётся «е», потому как находится не в первом предударном слоге, а дальше от него.

С приставками всё однозначно – в них кацкари не ёкают: «переме́на» она и в Кацком стане «переме́на». А вот в суффиксах – полная разногласица: кто-то произносит «учи́тель», а кто-то «учи́тель». Более того, в суффиксах у кацкарей может быть и обратное явление – переход «ё» в «е». Сравните: в русском литературном языке «пузырёчек», а в кацком диалекте «пузырёчек»!

А вообще, ёканье – дело сложное, единому правилу неподдающееся. Так, иногда в «ё» переходят ударные «е»: «моёй» – «моё'й». Иногда «ё» утягивает за собой и ударение: «Успёние» – «Успенё'ё». А иногда безударная «е» переходит вовсе и не в «ё», а в «и»: «бесёда» – «бисёда».

Чтобы сохранить эту интереснейшую черту кацкой речи на бумаге, употребление «ё» при написании текстов на кацком диалекте обязательно (как и в белорусском языке). И тут для привыкших писать по-русски полно неожиданностей! Например, две «ё», стоящие подряд: «го́рё го́ркёё». Или две «ё» в разных местах, но зато обе безударные: «воскрёсе́ньё».

Случай ёканья на письме. Конечно же, сельсоветские работники знали, что официально деревня называется «Мёলেখово», но будучи кацкарями написали «Мёлёхово». Документ из собрания филиала Государственного архива Ярославской области в городе Угличе, 1943-1945 годы.

ОКАЮТ, ДА НЕ ТАК

Забавно наблюдать за кацкарём, смотрящим по телевизору местные ярославские новости: «Ой, как та́мо окают!» А что, кацкари разве не окают? Окают, да не так! И вновь процитируем Николая Дмитриевича Русинова: «Только на северо-западе, западе и юго-западе Угличского Верхневолжья имеется... редукция неударных и непредударных гласных».

Редукцией гласных в языкознании называют изменение их звучания в безударном положении. Возьмём для примера слово «колобо́к». Проговорите его несколько раз: что мы там на месте первого «о» произносим? Да чёрт-те что: нечто короткое и среднее между «о» и «а». Это и есть редукция: первое «о» изменилось и по долготе, и по звучанию. При записи речи, как она звучит, языковеды договорились обозначать это самое редуцированное «о» буквой «Ъ».

Перейдём ко второму «о». Ну, с ним всё ясно: русский язык акающий, и на месте предударного «о» следует произносить «а». Следовательно, всё слово «колобо́к» в русской литературной речи звучит так: «кЪлАбо́к».

Но в том-то и дело, что в литературной! А к северу от Москвы окают: «о» не редуцируют и на «а» не меняют. Произносят неторопливо, чуть нараспев: «кОлОбо́к».

А теперь внимание: кацкари произносят «кЪлОбо́к». Ну или «кЪлОбу́шка», если уж совсем по-ка́цкие. То есть окают – конечно же, окают, но только в первом предударном слоге. А неударные и непредударные гласные, как и в русском литературном языке, редуцируют. Иными словами, кацкое оканье неполное – вот почему речь других окающих людей им кажется странной.

Но всё это, конечно, больше касается 1950-х годов, когда речь кацкарей слышал Н.Д. Русинов. Современная кацкая молодёжь диалектные нормы не усваивает и акает не хуже москвичей!

Мы всё Русинов да Русинов, но в 1955-1963 годах речь кацкарей изучала и филолог Ольга Александровна Соцкова; в 1964 году ею были опубликованы работы «Из наблюдений над диалектной лексикой Мышкинского района Ярославской области», «Безударный вокализм западной части Мышкинского Верхневолжья» и «Особенности употребления глагола в говорах Мышкинского района Ярославской области».

Мышкинские говоры Ольга Александровна разделила на две большие группы: 1) к западу от реки Сутки; 2) остальная территория Мышкинского района. Так вот: всё, что к западу от Сутки, и есть наш Кацкий стан!

Кроме ёканья и неполного оканья в её работах можно найти и другие отличительные особенности кацкого диалекта. Например, образование причастий при помощи суффикса «т»: «ка́бы зна́то», «сено бра́то», «о́вцы за́гнаты», «разве ё́то ду́мат», «немало дён пропла́като».

В общем кацкари и мышкари показали исследовательнице столь несхожими меж собой, что она сделала вывод: «Сопоставление говоров западной части с остальными мышкинскими говорами... может свидетельствовать о различных этнических группировках населения на территории Верхневолжья в районе Мышкина». Вслед за Н.Д. Русиновым она считала, что здесь «столкнулись два славянских племени: кривичское и новгородское». То есть основную территорию современного Мышкинского района когда-то давно заселили новгородские словене, а земли к югу от Сутки (то есть наши кацкие земли) – кривичи.

«Замосковский край» около 1650 года. Цифрой «3» и зелёной заливкой на карте выделен наш Кацкий стан, цифрой «1» и сине-зелёной заливкой – Верховский стан, куда входил Мышкин. Красная линия между ними – это граница не только между станами, но и между средневековыми Угличским и Ярославским княжествами. Из книги Ю.В. Готье «Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси», Москва, 1906 год.

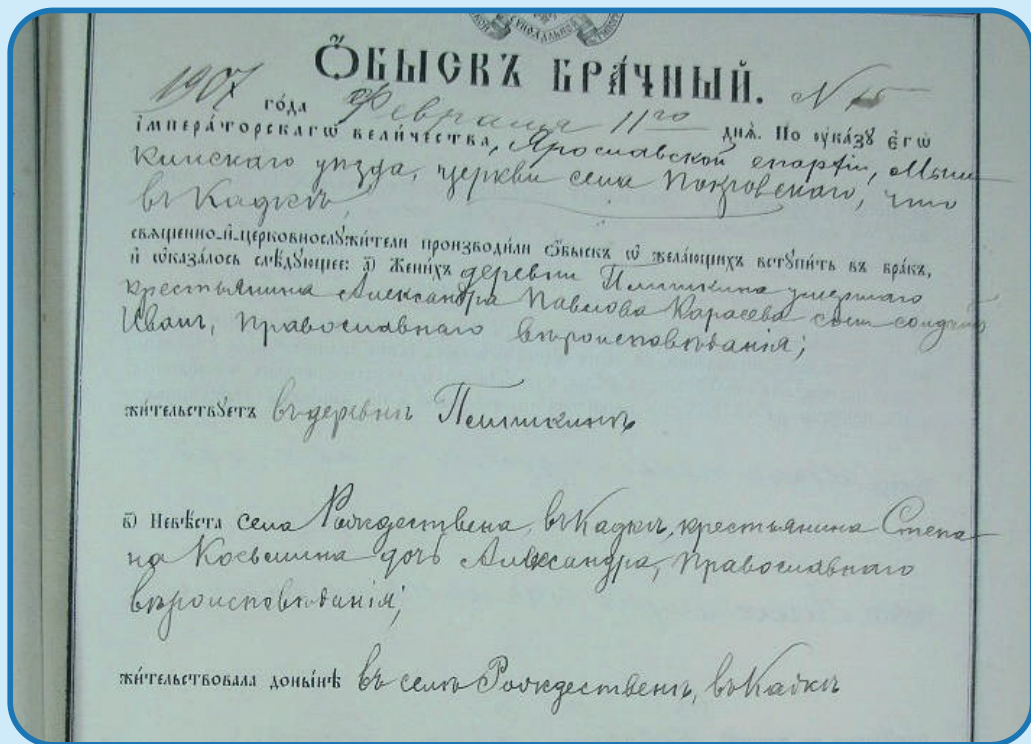
Н.Д. Русинов в своих работах наши места называл просто: «бассейн реки Кадки» (впрочем, как и «бассейн реки Корожечны», «бассейн реки Пукши» и т.д.). Однако есть у нашей земли и исторические названия, по документам известные с 1461 года: волость Кáдка, Кáцкая волость, Кáцкий стан. Долее других употреблялось Кацкий (в старом написании «Кацкой») стан.

Станы – административно-территориальные единицы средневековой Руси, на которые были разбиты тогдашние уезды. При их формировании, похоже, учитывались не размеры либо населённость, а какие-то другие теперь уже позабытые местные особенности. Так, почти всю территорию Угличского уезда занимал огромный Городской стан. Кацкий стан, прилепившийся где-то на северо-западе, был в сравнении с ним совсем мал, но почему-то не «оптимизировался» и не нарушался столетиями.

Станы были упразднены Екатериной II в 1777 году, но название Кацкий стан прижилось настолько, что употреблялось и в документах начала XIX-го века. А три кацких села до самой революции официально назывались так: Покровское в Кадке, Воскресенское в Кадке, Рождествено в Кадке. Именно «в», а не «на» – то есть «в волости Кадке», а не «на реке «Кадке» (к тому же Воскресенское и Рождествено на реке Кадке и не стоят).

Современные кацкие краеведы в своих работах вновь пользуются названиями волость Кадка либо Кацкий стан. Во-первых, потому, что ни одна современная административно-территориальная единица в бассейне реки Кадки с ними не совпадает. А во-вторых, все эти современные административно-территориальные термины звучат уж как-то неуклюже, не по-русски и даже обидно (Мартыновская сельская территория, Рождественский куст деревень, Приволжское сельское поселение...).

А разве может жить земля без имени!?

Фрагмент брачного обыска от 11 февраля 1907 года. Кацкого стана официально давно уже нет, а сѣла всё ещё называются «Покровское в Кадке», «Рождествене в Кадке». Из собрания Угличского филиала Государственного архива Ярославской области.

В то время, когда Н.Д. Русинов писал свою работу «Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья...», слова «субэтнос» ещё не было. Термин этот ввёл в оборот русский этнолог Лев Николаевич Гумилёв только в начале 1990-х годов. Лично он трактовал его как «этническая система, выделяющаяся своим стереотипом поведения и противопоставляющая себя окружению на основе взаимной комплиментарности составляющих её членов». Современные учебники по этнологии слово «субэтнос» объясняют так: «этническая система, возникающая внутри этноса и имеющая свои хозяйственные, бытовые, культурные и иные особенности».

Так можно ли назвать кацкарей субэтносом?

Наличие отличительных этнографических особенностей для признания какой-либо общности субэтносом как будто необязательно, но при желании их можно найти в любой русской (не обязательно кацкой) деревне, где ещё сохраняется коренное население. Народ это и сам понимает – недаром же говорит: «В каждом селении своё заведение!»

Речевые особенности для обособления отдельного субэтноса тоже не на первом месте, однако у кацкарей имеются и таковые. Ну вот, в 2013-2019 годах краеведческий журнал «Кацкая летопись» публиковал словарные статьи на первые четыре буквы алфавита – от «А» до «Г»: 837 диалектных слов и присловий. И что же: 436 из них ни в каких других словарях не отмечены, а 141 отмечены, но с другими значениями.

Но главное, что есть у кацкарей – чёткая географическая привязанность к реке Кадке и к родному Кацкому стану. Она до сих пор сильнее и районной, и областной (и тем более новодельной поселенческой) идентичностям. Так, в 2011 году по тринадцати кацким селениям была разослана анкета Института географии Российской академии наук. На вопрос «Как Вы считаете, место, где Вы

живёте, традиционно (исторически) относится к какому краю? К Тверскому, Угличскому, Костромскому...» 60% опрошенных ответили: «К Кацкому стану». А на вопрос «Вы кто? Например, угличские, мышкинские...» 54% написали: «Кацкари».

Ещё пример. В 2013 году медико-генетический центр Российской академии наук производил сбор слюны мужчин-добровольцев для анализа их ДНК. В Кацком стане желающих набралось 41 человек; 39 из них в анкетах написали, что они кацкари.

Генетики, кстати, нашли другое слово для обозначения общностей, подобных кацкарям – «популяция»: сообщество людей, длительное время, проживающее на одной территории и заключающее не менее половины браков в пределах этого сообщества.

Вот уж это стопроцентно о кацкарях! Родословная каждого из них по метрическим книгам легко прослеживается до начала XVIII-го века, а это на двенадцать-пятнадцать поколений. Количество же «внутриволостных» браков в XVIII-XX столетиях по разным деревням составляло 75-94%. И вот результат: вся Кадка, подобно кровеносной системе человека, покрылась бесчисленными капиллярами родственных связей. Коренные жители Кацкого стана стали родными друг другу в прямом и переносном смысле; Л.Н. Гумилёв и называл такие отношения «комплиментарностью».

Понятно, что у людей, живущих столь длительное время вместе, поневоле сложились свои отличительные способы хозяйствования, уклад жизни, обычаи, верования, фольклор, языковые черты. Мир людей поделился для них на две половины: мир кацкарей – своих, привычных, и мир чужих, обитающих где-то за кацкими пределами – «заволо́сных». И вот это уже признак субэтнуса!

Впрочем, сами кацкари слов «субэтнос» и «популяция» не употребляют. «Мы по ко́ну такого!» – говорят они сами о себе.

К заметке «Если мыться – так в печи!»

Я помню, как мыла меня в печке бабушка (вернее, тётя моей мамы) Ксения Петровна Ковригина – это, наверное, в 1966-1967 годах. Вылезала я, конечно, в саже, и бабушка окачивала меня над корытом у опечка. В те годы у нас в Плишкине-Покровском была только одна баня – общественная. Стояла она на краю деревни в сторону реки Кадки – «у магази». Были мужские и женские дни помыва.

Тамара Павловна Пушкина

Мне про мытьё в русской печке рассказывала мама Антонина Васильевна Муравьёва. Не нравилось ей оно – пока вылезаешь, вся в саже – но деваться некуда. Было это в 1930-1948 годах, когда она жила в Мартынове и ещё носила девичью фамилию Чиркова.

Наталья Борисовна Фишина

К заметке «Предание свидетельствует»

Как интересно! Я от бабушки слышала, что на Кадке много ключей бьёт.

Светлана Юрьевна Паклина

К заметке «Пруды чистые, пруды ражие»

В деревне Щёлпове до сих пор пьют из пруда-ямки. Вода чистая и мягкая – волосы вымоешь, словно шёлк.

Валентина Викторовна Яковлева (Щавлева)

К заметке «Прокати нас, Петруша, на “ропусках”!..»

У нас в Игумнове были такие же, но с резьбой и красиво окрашенные. Выездные! Ездили на «ропусках» в Овдеево (на

бабушки) и в Хороброво.

Александр Михайлович Соловьёв

К заметке «"Полки", "грабарки" и прочие телеги»

Когда мне был один год, то есть в 1955 году, мне рассказывали, что я гостила в Мартынове у бабушки и бабушки Чирковых. Нас с Машей Ершовой возили на «полкё».

Наталья Борисовна Фишина

К заметке «Сани, санки и санишки»

У тети Маруси Смирновой на Владышине была соседка (не помню, как зовут), так у нее на заднем дворе стояли красивые сани – я таких нигде больше не видела. Мы детьми ходили на них смотреть, нам показывали. Они были типа свадебных, но прям как карета – расписные. Это было так давно, наверное, лет пятьдесят назад, а в памяти осталось.

Светлана Юрьевна Паклина

К заметке «Старинная "пена" на новый лад»

В былые времена пены были в Рождественской ПМК. Они прицеплялись к тракторам, на них перевозили какие-то объёмные грузы. Можно даже было небольшое строение перевезти – баньку, например.

Галина Алексеевна Башкинова

Трактор с «пенной» пройдёт – дорога как асфальт в городе, мальчишкам развлечение.

Александр Михайлович Соловьёв

К заметке «Воз “навить” – целое искусство!»

Всё так и было! Помню, с тятьей затягивала эти воза – кричит: «Тяни, Томка, тяни сильнее, чтобы не развалился!» Тянула, что было сил.

Тамара Павловна Пушкина

Да, так и было. Все мы в детстве помогали, и возы вязать тоже. Папа тянул, а я за тяжи за задок за перекладину вязала. Сила есть, ума не надо!

Зоя Викторовна Костина

Перед тем как возить сено, все шли по дороге и ровняли путь. Где срежут, где подсыплют, где утрамбуют. И потом плыли воза по полям. Завораживало...

Александр Михайлович Соловьёв

К заметке «“Беззаборные” огумна»

Да-да, так же и у нас в Плишкине: со стороны деревни забор, а дальше всё гумно до самого колхозного поля не огораживали.

Тамара Павловна Пушкина

У бабушки Натальи Мельниковой дом стоял на прогоне, через который гоняли скотину, и поэтому забор был. Он состоял из двух жердей по всему периметру гумна; между жердями, как помнится, было чуть больше полметра. А вот между соседями заборов не помню.

Вера Юрьевна Деговец

Наверное, потому, что вся красота от заборов теряется, создаётся ощущение клетки и ограниченности пространства (по

крайней мере у меня). А без заборов красота! Вот у тетки на даче, несмотря на всю красоту, иногда чувствую себя как в клетке.

Ирина Геннадьевна Дудочкина

Разрешите присоединиться к вашему обсуждению. Моя бабушка Екатерина Фёдоровна Карамышева родилась в Мартынове, сейчас ей 92 года. Её мнение, что «гумно» – это участок за домом; его никто не огораживал, так как слишком хлопотно. На мой вопрос «почему?» она засмеялась и сказала, что в её времена не до этого было.

Любовь Юрьевна Кузнецова

К заметке «Ещё о земледельческой лексике»

Все слова или были в широком употреблении, или слышала. Незнакома только «собина».

Тамара Павловна Пушкина

К заметке «Такое разное “жито”»

Вот не знала, что житом ещё и другие зерновые называли! Я думала только ячмень – жито.

Тамара Павловна Пушкина

К заметке «Мнение Соцковой»

«Кабы знато было» – до сих пор часто употребляем. А когда сенокосили, и сено было «убрато».

Тамара Павловна Пушкина

1. Русинов Н.Д. Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья (по данным местной земледельческой лексики) // Краеведческие записки, выпуск 1, Ярославль, 1956 год.

2. Соцкова О.А. Из наблюдений над диалектной лексикой Мышкинского района Ярославской области // Учёные записки Рыбинского педагогического института, выпуск 2, Рыбинск, 1958 год.

3. Соцкова О.А. Особенности употребления глагола в говорах Мышкинского района Ярославской области // Учёные записки Ярославского государственного педагогического института имени Ушинского, выпуск 52, Ярославль, 1964 год.

5. Соцкова О.А. Безударный вокализм говоров западной части Мышкинского Верхневолжья // Учёные записки Ярославского государственного педагогического института имени Ушинского, выпуск 52, Ярославль, 1964 год.

6. Я покону кацкого! Учебник по кацкой этнографии // Кацкая летопись (специальный выпуск) № 4 (151), 2009 год.

7. К вопросу о региональной идентичности кацкарей // Кацкая летопись № 2-3 (158-159), весна-лето 2011 года

8. Темняткин С.Н. Реки рождают народы. А кто же рождает реки? // Кацкая летопись № 1 (122), зима 2003 года.

9. Темняткин С.Н. Предания о монголо-татарах // Кацкая летопись № 1 (144), зима 2008 года.

10. Темняткин С.Н. Мужики плевали для науки... (Обзор генетических паспортов кацкарей) // Кацкая летопись № 2 (190), весна 2019 года.

11. Сохранились ли следы финно-угорского влияния в генофонде русского населения Ярославской области? Свидетельства Y-хромосомы // Генетика, 2017 год, том 53, № 3.

12. Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно в России, Москва, 1884 год.

13. Сельскохозяйственные беседы. Полеводство, Санкт-Петербург, 1898 год.

14. Баранов Д.А. и др. Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия, Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 2004 год.

15. Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь, Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2003 год.

16. Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники. Энциклопедия, Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2003 год.

17. Суоров М.В. Вологодчина: неизведанная давность, Вологда, 2002 год.

18. Букринская И.А. и др. Язык русский деревни. Школьный диалектологический словарь, Москва, Аспект Пресс, 1994 год.

19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, Москва, Азъ, 1995 год.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, тома 1-4, Москва, Астрель – АСТ, 2004 год.

21. Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы, Санкт Петербург, Кристалл, 2002 год.

22. Садохин А.П. Этнология. Учебное пособие. Москва, Альфа-М, 2012 год.

Кадка в очерке Русинова.....	4-5 стр.
Если мыться – так в печи!.....	6-7 стр.
Праведники в печи не умирают.....	8-9 стр.
Предание свидетельствует.....	10-13 стр.
Пруды Чистые, пруды Ра́жие.....	14-15 стр.
Коромысла бывают разные.....	16-20 стр.
«Кадка священна».....	21-27 стр.
Кацкари предпочитают «крёстцы».....	28-31 стр.
«Хлыста́лка» по-ка́цкие.....	32-35 стр.
Прокати нас, Петруша, на «ро́спусках».....	36-43 стр.
«Полки́», «граба́рки» и прочие телеги.....	44-52 стр.
Кольи́шка не оглобля!.....	53-55 стр.
Сани, санки и санишки.....	56-61 стр.
Сани... с тормозами.....	62-63 стр.
Старинная «пе́на» на новый лад.....	64-66 стр.
Воз «нави́ть» – целое искусство!.....	67-70 стр.
Муки ни мучи́ны.....	71-72 стр.
«Колья́нко-то утону́л!».....	73 стр.
«Беззаборные» огу́мна.....	74-76 стр.
«Переты́ки ставила...».....	77-82 стр.
Едут, едут богачи!.....	83-86 стр.
«Головой склоняясь до самого ты́на».....	87-93 стр.
Кацкая земледельческая лексика.....	94-95 стр.
Ещё о земледельческой лексике.....	96 стр.
Такое разное «жи́то».....	97-99 стр.
Русское поле и кацкое поле.....	100-102 стр.
Струшне́ньё с горсту́шкам.....	103-105 стр.
Не «меч», а «трёпа́льцо».....	106-108 стр.
Крестья́нские гербы-«поко́нницы».....	109-113 стр.
«Ё» наше!.....	114-116 стр.

Окают, да не так.....	117 стр.
Мнение Соцковой.....	118-119 стр.
Земля с именем.....	120-121 стр.
Мы покону такого!.....	122-123 стр.
Комментарии читателей.....	124-127 стр.
Литература.....	128-129 стр.

Краеведческое издание
Этнографический музей кацкарей

Темняткин Сергей Николаевич

Я покону кацкого! Этнографические заметки

Книжка 1

Книга издана в рамках проекта «Кацкари.
Обретение имени» при содействии ПАО «Славнефть-ЯНОС».

Подписано в печать 09.01.2020. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 8,25; уч. изд. л. 6,5.

Тираж 210 экз.

Издательство «Аверс Плюс»,
Ярославль, ул. Победы, 34
тел./факс (4852) 97-69-22

